
Введение

Содержание

Предисловие

Автобиография **старца** – уникальный текст, не вписывающийся ни в какие каноны. Это живое непосредственное изложение покоряет своей простотой, но и пугает своей живостью, к которой не привыкли в России. Именно простота является свидетельством подлинности. Поистине, это текст, который мгновенно покоряет самые твердые сердца!

Автобиография старца на русском языке уже была издана не так давно… Существует русский перевод: **«Старец Порфирий Кавсокаливит. Житие и слова»**. Переводчик – мирской человек и, естественно, он выражает свое мечтательное видение Афона. Автор книги **«Старец Порфирий Кавсокаливит. Житие и слова»** не понимает некоторых реалий, о которых пишет старец. Впрочем и его перевод весьма интересен.

Например, **Старец Порфирий Кавсокаливит** пишет:

— *Жизнь на Святой Горе — это жизнь в непрестанном бдении по четкам…*

А автор книги **«Старец Порфирий Кавсокаливит. Житие и слова»** переводит тему на понятие «…всенощного бдения в храме…». Нет. Речь идет о бдении по четкам в каливах.

Да и сам старец далее поясняет: *«…На Святой Горе встают в два часа. В тот час я ощущал благоговейный трепет. Молитва сотрясала местность, сотрясала духовный мир. Вот какова любовь ко Христу….»*

Ведь в Кавсокаливии не служат суточный круг, в скитах другой устав: служба в храме правится всего лишь раз в неделю – в субботу ночью… Тем не менее, в скиту каждая ночь – всенощное бдение. Монахи скита садятся в стасидии в храме каждой кельи или в своей келье и по-очереди молятся по четкам... Паломники, к сожалению, этого увидеть не могут.

Видите, одного желания правильно перевести мало. Нужно определенное знакомство с

реальной жизнью. Впрочем, мы понимаем, что для русского сознания, а тем более для приходского батюшки, подобные вещи выглядят странно, ведь в России не заменяют четками церковные службы.Наконец, стиль перевода, бесспорно, слишком адаптирован к русскому менталитету. В этом главная ошибка… Это убивает живость, сеет сомнение в подлинности.Например, возьмем наугад отрывок из старого перевода (с 57):

Я слушал как соловейчик заливается, как разрываетс от пения. Он так заливается, что от трелей надувалась его гортань. Эта малюсенькая пташка отводила назад свои крылья, чтобы иметь силы издавать такие сладчайшие звуки, петь таким прекрасным голосом, так надувать свою гортань. Была бы у меня чашечка с водою, чтобы он прилетел и мог утолил свою жажду!

Правильный перевод:

И вот, я стоял и слушал, как соловушка щебечет, как он просто разрывается от любви! От пения надувалось его горлышко и, как мы говорим, он, поистине, выбивался из сил (мальясе)! Эта маленькая птичка расправляла сзади свои крылышки (на кани ката писо та фтера ту), чтобы набраться силы, и издавала сладчайшую мелодию! Это был прекрасный звук. И горлышко птичье так надувалось... По – по — по!

Ах! — Был бы у меня стаканчик воды, чтобы он подлетел и утолил бы свою жажду!

Разница заметна.

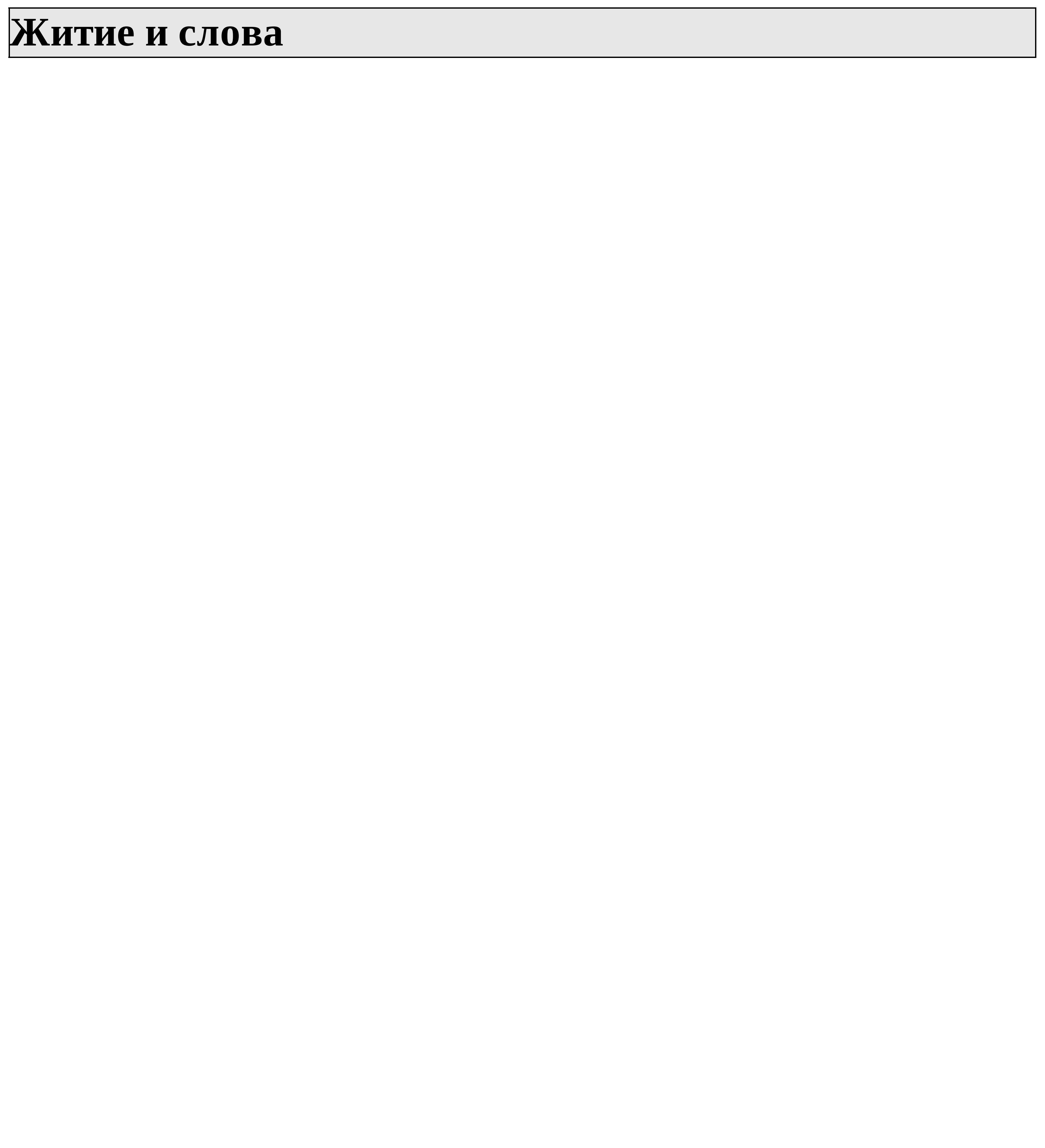
Тем не менее, можно понять совершенное несоответствие стиля в части диалогов и оправдать тем, что автор практически не знаком с живой Традицией Афона. Многие ошибки можно простить только за то, что автор дает кальку текста. Это правильно. Да и текст очень простой…Впрочем, все переводчики делают много ошибок, просто это не принято обсуждать. И мы не будем.

Но мы совершенно не можем понять, например, зачем переводчик переименовывал главы? Это чем можно оправдать? Например, главу «Через два-три года я принял великую схиму» он переименовал в «Я хотел быть наедине с одним Богом». И т.д. Ведь такое небрежное отношение к тексту приводит к небрежности и в суждениях.

Не вызывает сомнения, что именно эта небрежность провоцирует некоторых русских профессоров, не знающих ни греческого - ни афонской жизни, высказываться против старца. Поэтому давайте начнем с уважительного бережного отношения к рукописи!

Мы считаем, что комментировать этот прекрасный текст любым образом пока преждевременно. **Старец Порфирий Кавсокаливит – необычен как человек и его путь уникален.** Путь старца слишком яркий и неповторимый. Должно пройти время, лишь тогда образ старца предстанет во всем величии…

Пришлось местами сделать новый перевод, взяв за основу старый. Тем не менее, мы благодарны переводчику за старый перевод, он весьма пригодился. Надеемся, новый перевод дополнит старый, дойдет до сердца многих читателей, и не заденет самолюбие тех, кто хочет ухватить умом и понять все сразу...

Житие и слова

Я происхожу из деревни Святой Иоанн

Порфирий Кавсокаливит (Баирактарис)
Автобиография
Это самое полное жизнеописание старца

Я происхожу из деревни Святой Иоанн (Воспоминания старца **Порфирия**) **Святой Иоанн** – деревня на Эвбее. Оттуда я **происхожу**. Мои родители были бедняками, поэтому мой отец покинул деревню и уехал в Америку. Там он работал простым рабочим на строительстве Панамского канала. Мы, крестьянские дети, трудились с малых лет: поливали сад, огород, ухаживали за скотиной, бегали повсюду, куда нас посылали взрослые.

Я с малого возраста пас животных в горах. Я был наивным и застенчивым. В школу я походил лишь в первый класс и почти ничему не научился, потому что учитель болел. Там, где я сторожил овец, я по слогам прочитал житие святого Иоанна Каливита. Тогда мной овладело пламенное желание уйти из мира и стать монахом. Хотя я никогда не видел ни монаха, ни монастыря, не знал ничего.

Когда мне исполнилось семь лет, мать послала меня в Халкиду на работу в один магазин. В то время в магазинах продавали все: скобяные изделия, ключи, винты, замки, веревки, а также сахар, рис, кофе, перец и все то, что сейчас есть в лавке бакалейщика. Магазин был большой. Там уже работали два паренька. Когда я пришел, все стали мною распоряжаться, и я делал то, что мне говорили. Все отдавали мне приказания, и я носился повсюду. Между тем ребята устроились поливать цветы хозяйки на балконах. Они ходили по очереди через день. Когда

пришел я, они навалили на меня все — и уборку, и цветы. Однако я не подозревал ничего плохого. Все исполнял и ходил туда, куда меня посылали.

Однажды, подметая магазин, я заметил на полу, около собранной мною кучи мусора, рассыпанный кофе. Там было штук пятнадцать немолотых зерен. Я наклонился, собрал их на ладошку и пошел, чтобы бросить их в мешок с кофе. Хозяин находился в своем кабинете, стены которого были из стекла, и увидел это. Он позвал меня:

— Ангел, — так меня, маленького, все называли. — Поди сюда! Я подошел к нему. — Что у тебя в руке? — Кофе, — говорю. — Я нашел зерна на полу и собрал их. Он стал звать: — Тасос, Аристос, Яннис, Иоргос! ! ! Один был на складе, другой еще где-то. Но так как хозяин кричал, то пришли все. Тогда хозяин открыл мою руку, — Вы видите? — спросил их. — Что это? — Зерна кофе, — отвечают. — Где ты их нашел, Ангел? — Они были разбросаны по полу, — говорю я, — я собрал их и пошел бросить в мешок с кофе.

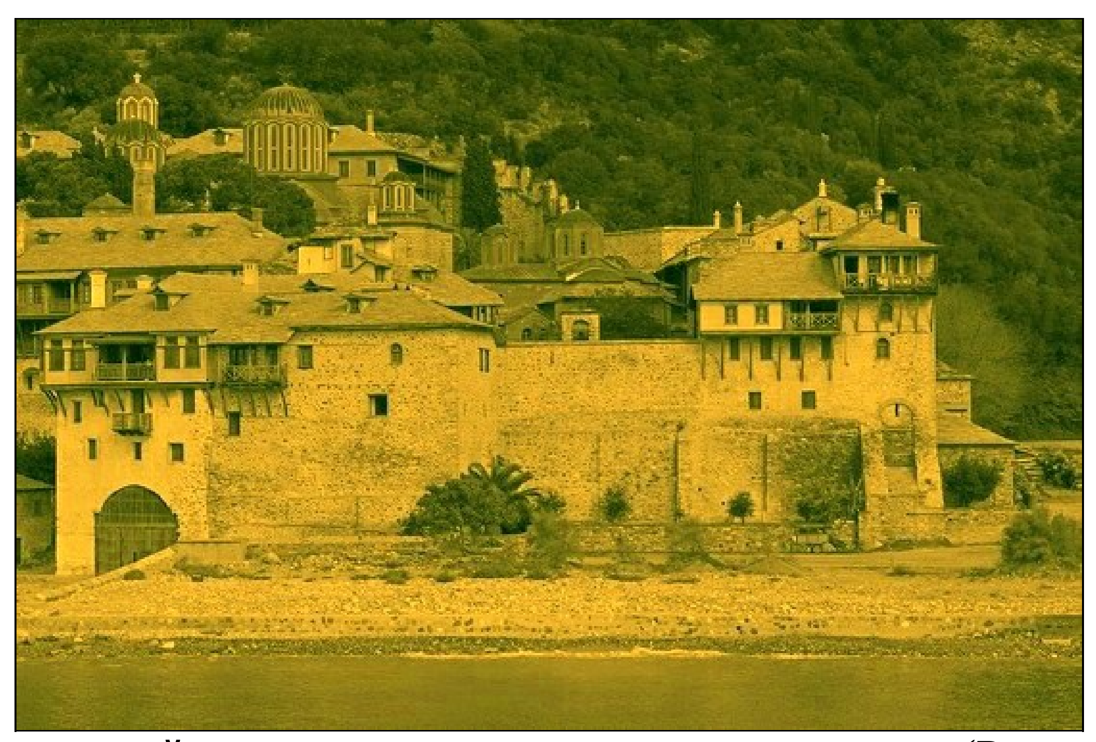
Хозяин прочитал им целое нравоучение. Что там происходило! Там было мотовство и транжирство. Разбрасывали все то тут, то там...

— С сегодняшнего дня вы установите очередь и на поливку цветов, и на все другое, — сказал хозяин. — Одну неделю — Аристос, другую — Тасос, третью — Ангел.

Хозяева любили меня и хорошо ко мне относились. – вспоминал старец Порфирий. – Они приглашали меня наверх, к себе домой, чтобы я пел им те тропари, которые знал. Они по своей доброте часто брали меня туда. Они оценили тот мой поступок.

Через два года я уехал в Ширей; чтобы работать в магазине одного из своих родственников. Магазин находился на холме, на улице Цамаду. Это была бакалея вместе с таверной. Каждый день туда приходило много народу за покупками, и часто клиенты оставались, чтобы перекусить и выпить в таверне. Ночевал я наверху, в мансарде.

В недра души моей я погрузил желание стать пустынником

В недра души моей я погрузил желание стать пустынником (Воспоминания старца **Порфирия**). Однажды в лавку зашли два старичка. Они попросили у меня две сардинки и половину ока 2 вина. Я им сразу принес. Один старик говорит другому:

— Где найдешь то вино, которое я пил на Святой Горе! Такого вина я не находил нигде. — Ты был на Святой Горе? — спрашивает другой. — Да, однажды уехал со своей родины, с острова Митилини, из Каллони, и приехал на Святую Гору. Там мы и пили моноксилитское вино. Что это было за вино! Тот спрашивает его снова: — Ты уезжал туда, чтобы подвизаться?

— Да, хотел стать монахом, но не смог, не выдержал. Как я раскаивался потом в том, что не остался там! Я слушал их разговор внимательно, потому что задолго до них заходили какие-то монахи и раздавали брошюрки. В одной из них было написано о жизни святого Иоанна Каливита, о котором я читал по слогам, когда пас овец в своей деревне, как я уже вам говорил. Его житие я прочитал снова на мансарде при свете карманного фонарика, прочитал с трудом, потому что был почти неграмотным. Жизнь святого так воодушевила меня, что я захотел подражать ему. Но о Святой Горе я не знал ничего. Между тем старичок продолжал: — Я хотел подвизаться и ушел. Как хорошо было там! Я видел подвижников, пустынников, святых людей, которые старались стяжать любовь к Богу, подвизались в пустыне в посте, злостраданиях и молитвах. Но я оставил все это и вернулся в мир, где впутался в тысячу мучений. Я всегда вспоминаю о том и жалею, что не остался там, а впал здесь в миру в такие муки, связанные с заботой о семье, детях, в такую суету, страдания, что трудности жизни поставили меня на колени. И я постоянно вспоминаю то время...

Старики вскоре ушли, но мои мысли остались там, на Святой Горе, о которой рассказал один из них. С того момента мною овладело горячее желание уехать туда. Меня не оставляла мысль, что я смог бы осуществить свою мечту — подражать святому Иоанну Каливиту.

Старец Порфирий вспоминал:

Через два дня старик пришел вновь. Он жил по соседству. Я подхожу к нему и втайне от других спрашиваю:

— Расскажи мне, кир Антоний, как хорошо там, вверху, на Святой Горе? — А-а, ты все слышал тогда? Нет. Сейчас я не могу тебе ничего рассказать…

Кир — по-гречески господин, уважительное обращение к старшим. И ничего мне не сказал. Ушел. Я же не мог думать ни о чем другом. В глубине души я решил стать пустынником. Но как? Я не знал, как попасть на Святую Гору. У меня не было денег. Да я и не представлял, что сказать хозяину.

Когда кир Антоний снова пришел в лавку, я тайно от других спросил его о Святой Горе, и тогда он рассказал мне все. Но как, однако, я мог бы туда удалиться? Что бы я сказал?

Охотник за Любовью Христовой

Охотник за Любовью Христовой (Воспоминания старца **Порфирия**)

Целыми днями я был унылый и задумчивый. Хозяин заметил это, подходит ко мне и спрашивает: — Почему ты такой? Что с тобой происходит?

И тогда я вынужден был солгать! – сокрушался старец Порфирий.

Я сказал, что узнал от одного моего земляка, когда выходил из лавки за продуктами, что мать моя больна, и я бы хотел поехать повидать ее. Хозяин поверил мне, дал денег на билет, продукты для матери и с сочувствием проводил меня. Я побежал на корабль и отправился на Святую Гору! Моя мечта начала сбываться. Корабль проходил через Халкиду, через Волос, а потом через Салоники. Но когда корабль отошел недалеко от берега, меня охватила печаль. Я хотел достичь своей цели, но боялся и жалел своих родителей, которые, не зная, где я, стали бы беспокоиться. Я не выдержал и, когда корабль пристал к Лимне Эвбейской, спустился с него и на другом корабле вернулся обратно в Пирей.

Там я пришел к своим хозяевам и сказал, что мать моя выздоровела. Я продолжал работать, как и прежде. Но не совсем так, как раньше. Я был задумчив, все время молился, ел мало, делал поклоны. От такой жизни я похудел, изменился.

— Что с тобой, Ангел, — спрашивали меня, — что с тобой? Мы видим, каким ты стал задумчивым и очень худым, дитя. Мы любим тебя и хотим, чтобы ты был здесь, но, может быть, ты хочешь поехать к родителям? — Да, — говорю я им, — хочу поехать. — Езжай, если хочешь, повидайся с ними и, когда приедешь, найди нам для магазина какого-нибудь хорошего юношу, такого, как ты.

Они снова дали мне денег, продуктов, сладостей, какие-то бутылки с ликером «Пиперман», иного чего еще другого. Хозяин привел меня на корабль и купил мне билет до Халкиды. Это был корабль, который шел в Халкиду, затем — Эдипсо, Волос, Салоники, Святая Гора, Дафни. Корабль назывался «Афины». Я поднялся. Корабль отошел от пристани. Была ночь, когда мы отплывали. Шли всю ночь. Пришли в Халкиду. Когда корабль остановился, матросы закричали: — Кто в Халкиду? Кто в Халкиду? Я — молчок, не говорю ничего, притаился в углу и молчу. Корабль отчалил от халкидской пристани. Однако когда мы прибыли в Эдипсо, матросы нашли меня, потому что проверяли билеты.

— Почему ты не сошел в Халкиде? — спросили меня. — Я спал, — отвечаю. — И что теперь? — спрашивают меня. — Ты должен заплатить. — У меня мало денег, — говорю им. — Ну, ладно, — согласились они.

И оставили меня так, без денег. Тогда деньги-то были такие — пятаки да двугривенные. А у меня едва-едва набралась бы одна драхма. Когда в Волосе мы спустились на берег, меня охватила великая тоска. Я все плакал и плакал. Я думал, что навсегда уезжаю из мира, что родители меня потеряют и будут горевать. Думал о своих братьях и сестрах. Мне перехватило дыхание, и я решил вернуться обратно.

В Волосе корабль простоял несколько часов и отошел от пристани, дал гудок и взял курс на Салоники. Я остался на причале, потому что хотел вернуться обратно. Ночью я поднялся в горы, плакал и молился. На другой день я нашел корабль, который шел по тому же направлению — на Салоники. Поднялся на него. Но так как деньги у меня закончились и потому не было билета, я спрятался на корме, чтобы меня не согнали на берег. И вот матросы спросили у меня билет. У меня его не было, и они стали ругаться на меня.

Я сидел на лавочке по левому борту и смотрел на море.

Я произносил один ирмос, которому научил меня отец, церковный певчий. Этот ирмос поют в родительскую субботу. В ирмосе этом сказано: Житейское море воздвизаемое зря напастей бурею, к тихому пристанищу Твоему притек, вопию Ти: возведи от тли живот мой, Многомилостивее. Я говорил: «Боже мой, жизнь — это бурное море, и я, путешественник по этому бурному морю, прошу Тебя, чтобы Божественный Твой промысел управил меня в пристань, где бы безмолвствовала душа моя, в пристань, где есть Ты, Мир». Я произносил эти слова, скорее же тихо-тихо пел и плакал, потому что у меня было глубокое чувство того, что я оставил мир, то есть своих родителей.

Да и какое мне было дело до мира, он меня не волновал совершенно. Только родители. Я был маленьким и помнил лишь родителей и скорбел о том, что оставил их. Наступил полдень. Люди обедали на палубе. В то время было так. Сидели семьями. Напротив меня была женщина с мужем и тремя детьми. Я сидел и смотрел на море. В какой-то момент ко мне подходит женщина, потому что пришли матросы и спрашивали мой билет, которого у меня не было: увидев, что я — нищий ребенок, поворачивает меня за плечо и дает мне кусок хлеба, на котором три связки мелкой рыбешки — камсы. Раньше их связывали по три штучки такой травкой, веничной соргой, и поджаривали на сковороде. Рыбешки связывали, пропуская травку через глазки, обваливали в муке и жарили. Не знаю, делаете ли вы так. Я поблагодарил ее:

— Спасибо, большое спасибо! Несколько других женщин, которые сидели рядом, похвалили ее: — Браво, очень хорошо! Как ты догадалась? А нам в голову не пришло. Но она, повернувшись к ним, говорит: — На таких детей, на беспризорников, не надо обращать внимания и что-нибудь давать им. Но что же делать? Мы же люди. Я, бедненький, услышав слово «беспризорник», в душе обрадовался, потому что подумал, что я и правда беспризорник. Я стал скитальцем ради любви Христовой и просил: — Христе мой, спаси меня, управи меня!

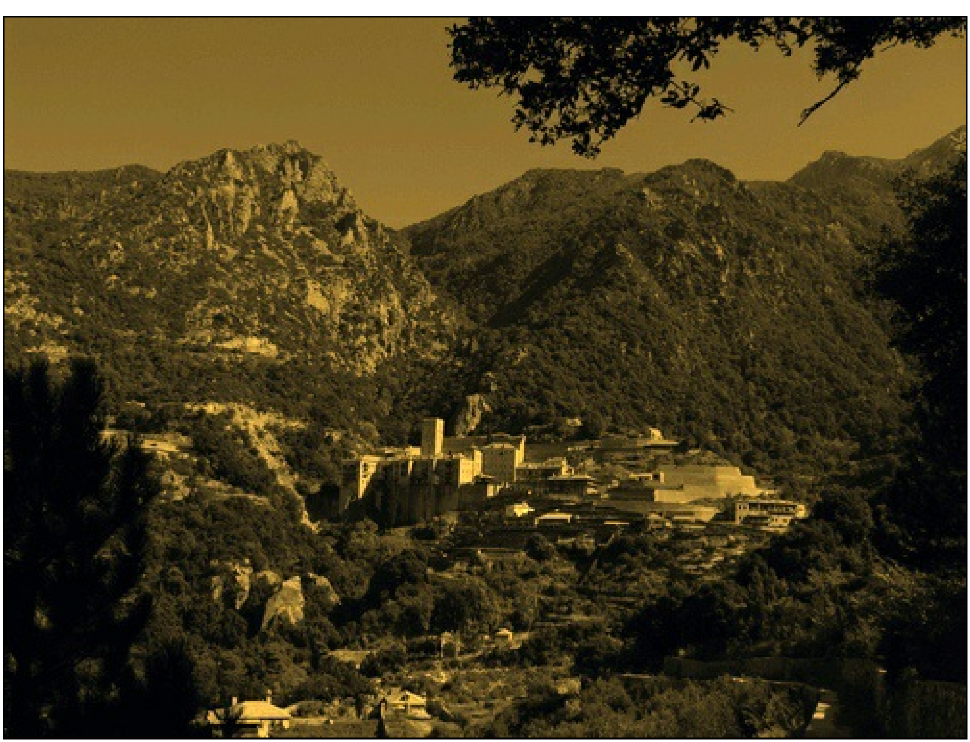
Прибыли в Салоники. Сошли с корабля. Я не знал, куда идти. Пошел в храм Святого Димитрия, приложился. Встал на колени и плакал, прося святого помочь мне доехать и стать пустынником. Это было моей мечтой. Потом я поднялся высоко на холм и пришел к небольшой церковке — часовне. Она была закрыта, но снаружи стояла лавочка. Там я провел всю ночь. Я много плакал, хотел снова вернуться домой, к родителям. Для меня это было искушением. Три раза я возвращался назад. Когда я рыдал, я произносил и слова молебного канона к Богородице, которому меня научил мой отец. «Не презри моление мое, полезно сотвори», — повторял я и плакал.

Так и заснул....

Забыл сказать, что подарки, которые дали мне с собой хозяева, когда я отправлялся якобы домой, я раздал каким-то солдатам на корабле. Раздал шоколадки, бутылки с розовой водой и «Пиперманом» и таким образом разгрузился. Они недоумевали, почему я все это отдаю – ведь я был маленьким, — но взяли.

Итак, как я вам уже сказал, я заснул возле часовенки. Проснулся утром, спустился к морю, сел на корабль — не выдержал искушения — и снова вернулся в Пирей. Что сказать, долгая история! - улыбался старец Порфирий.

Я решился бежать, сжигая мосты

Я решился бежать, сжигая мосты (Воспоминания старца **Порфирия**) После всех блужданий, отъездов и возвращений прошло немного времени, и я принял окончательное решение уехать и не возвращаться. Я решил больше не сходить с корабля. Снова уехал из Пирея на Святую Гору и больше не возвращался. Это был третий мой отъезд, последний после стольких бедствий.

В Салоники мы прибыли в субботу к вечеру. Тогда в городе всем заправляли евреи, поэтому в субботу никто не работал. Стояла мертвая тишина, все было закрыто. Ни кораблей, ни рейсов.

Все спустились на берег, чтобы купить что-нибудь поесть. Я остался на корабле, боясь искушения. Боялся, как бы со мной не приключилось чего-нибудь, что не позволит достигнуть моей цели. Я дал одному человеку пятнадцать лепт, он мне принес хлеб и скумбрию, и я поел. Все целый день прождали в порту, потому что, как я уже сказал, никто не работал.

После обеда на корабль стали подниматься монахи. Я смотрел на них с восхищением. Впервые я видел монахов в рясах. Я стоял у трапа и оттуда видел всех, кто проходил. Вот стал подниматься высокий старец, почтенный, с длинной бородой, навьюченный котомками. Он подошел ко мне, сел на скамейку и велел мне сесть рядом с ним.

— Куда едешь, чадо? — спросил он. — На Святую Гору, — ответил я. — И зачем ты туда едешь? Я скрыл правду и сказал: — Еду работать. — Приезжай в Кавсокаливию, — говорит он. — Я живу там со своим братом на каливе в пустыне. Приезжай, чадо, туда. Все вместе будем славить Христа. Читать умеешь, чадо? — спросил он меня.

Старец Порфирий вспоминал:

Тогда я ответил: — Послание Христа, послание Богородицы, житие святого Иоанна Каливита. Я не очень-то грамотный. Он ничего не сказал об этих книгах, хороши они или нет. — Поезжай со мной, — говорит он, — у нас есть там работа, будем тебе платить. А... может быть, и в монахи тебя пострижем! Заслышав это слово, я слегка улыбнулся. Тогда он говорит мне: — Послушай, чадо, не огорчайся тому, что я тебе скажу. На Святую Гору малолетних ребят не принимают. Ты мал, и таким запрещено давать разрешение на въезд. Мое лицо помрачнело. — Но не бойся, — говорит он. — Мы немножко обманем, и Бог простит нас. Перед Богом это будет не ложью, а правдой, потому что ты любишь Христа и хочешь поехать на Святую Гору

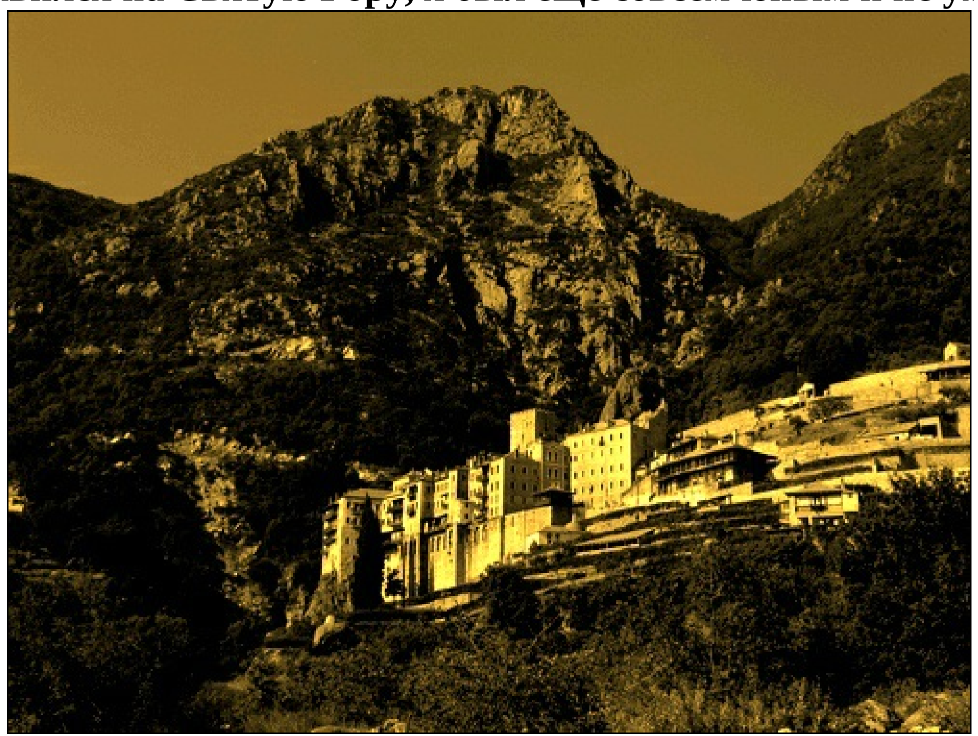
служить Ему. Так вот, если кто тебя спросит: «Кто тебе этот старец?» — ты отвечай: «Это мой дядя». А я буду говорить, что ты — мой племянник, сын моей сестры.

На корабль поднялось много других монахов. Наступил вечер. Все монахи собрались вместе и достали еду. Сели и мы рядом. Старец дал мне хлеб, чтобы я поел.

— Что за мальчик с тобой, святый отче? — спрашивали все. — Сын моей сестры, племянничек мой. Сестра моя умерла, а сиротку я взял с собой.

Святая Гора Кавсокаливия(1918—1925)

Моя жизнь на Святой Горе были молитвой, радостью и послушанием моим старцам.
Когда я отправился на Святую Гору, я был еще совсем юным и не умел читать...

Если я стану описывать вам свою жизнь на Святой Горе, о моей любви и преданности, «недостанет мне времени, чтобы повествовать» (Евр. **11**:32), – говорил старец **Порфирий.** — Но любовь моя к вам побуждает рассказать, сколько помню.

И вот, когда я приехал на Святую Гору, то был, как я уже пояснил, юным и неграмотным. Я читал по слогам. Старцы мои — родные братья старец Пантелеймон, духовник, и отец Иоанникий — спросили меня:

— Сынок. Умеешь читать?

— Э-эээ…. Так. Немного, — ответил я.

Был вечер субботы. Меня поставили читать Псалтирь. Робко я начал читать первый псалом:

— Бла-бла же-жен му-муж. – Читал я по слогам.

— Хорошо, детка, дай-ка почитаю я, — говорит отец Иоанникий, — а в следующий раз будешь читать ты. — Он надел свои очки и начал: — Блажен муж, иже не иде...

Представляете мой стыд? Это было мне уроком.

«Я должен научиться читать», — решил я. И тут же начал учиться. Когда у меня было свободное время, я брал и читал Псалтирь, Новый Завет, каноны, чтобы язык мой привык. Поучался и ночью. Таким образом, прочитав много раз, я выучил Псалтирь наизусть.

Я чувствовал себя так, как будто бы меня нет на земле, а нахожусь я – на небе!

Как-то ночью было всенощное бдение в кириаконе, соборном храме Святой Троицы, – рассказывал старец **Порфирий –** Был панигер — престольный праздник нашего скита. С вечера старцы мои ушли в церковь, а меня оставили в келии спать. Это было в первые дни после моего приезда. Я был мал, и они, наверное, подумали, что я не выдержу до утра, когда закончится бдение.

После полуночи приходит отец, Иоанникий и будит меня.

— Проснись, — говорит мне, — одевайся, пойдем в церковь.

Я тут же собрался. Через три минуты мы подошли к церкви Святой Троицы. Он пропустил меня вперед. Я впервые вошел внутрь храма и растерялся! Церковь была полна монахов, молящихся с благоговением и вниманием. Паникадила освещали все — иконы на стенах, на аналоях.

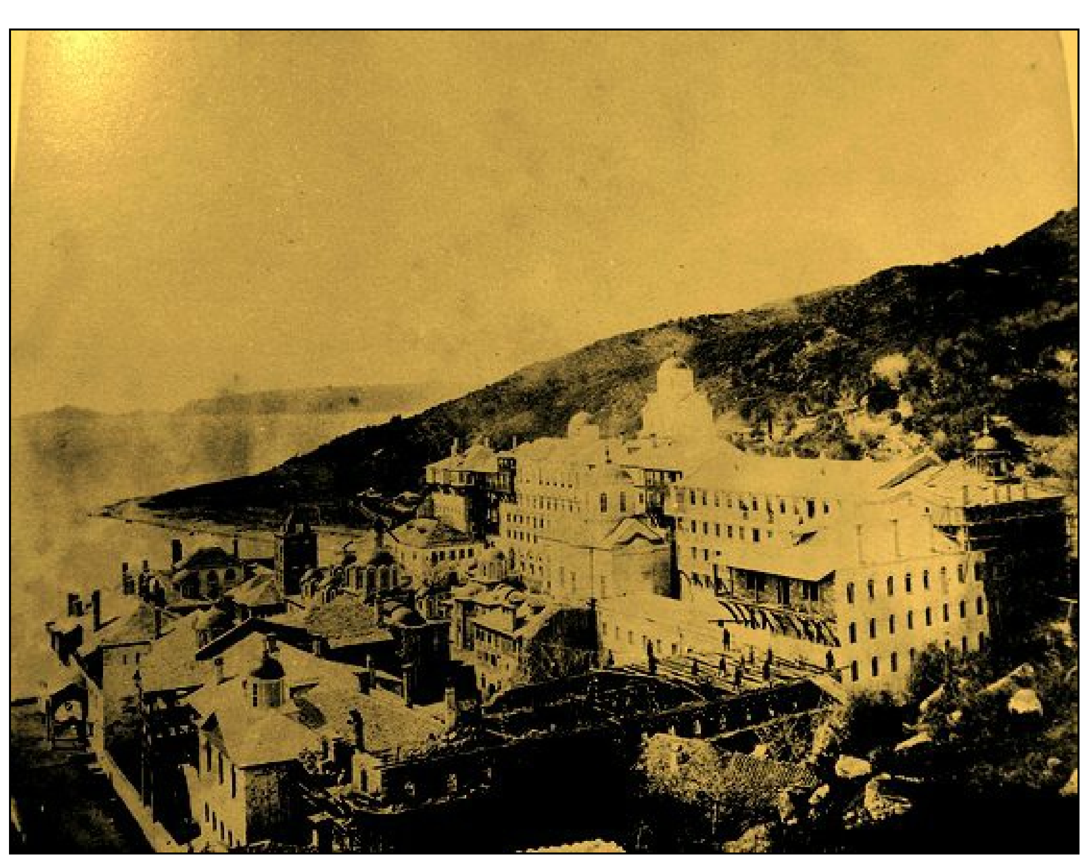
Все сияло. Горели лампадки, благоухал ладан, звучали умилительные псалмопения в неземной красоте ночи. Меня охватили благоговейный трепет и страх. У меня было ощущение, что я нахожусь не на земле, а на небе. Отец Иоанникий сделал мне знак, чтобы я прошел вперед и приложился к иконам. Но я не мог тронуться с места.

— Держи меня, держи меня! — начал я взывать. — Я боюсь!

Он взял меня за руку, и я, крепко схватившись за него, прошел вперед и приложился к иконам. Это был мой первый опыт, оставивший во мне глубокий след. Никогда не забуду этого!!!

Впоследствии об этом старец Порфирий вспоминал часто.

Немногое время мне понадобилось для того, чтобы миновать первое искушение

Я был очень радостным и воодушевленным от своей жизни на Святой Горе, – говорил старец **Порфирий. –** Но некоторое время, вначале, у меня было искушение. Я начал думать о своих родителях, начал болеть душой за них, жалеть их, так как они не знали, где я нахожусь. Думал и о своем двоюродном брате, ровеснике.

Во мне родилось желание поехать ненадолго в свою деревню и привезти брата на Святую Гору, чтобы и он проводил здесь такую же прекрасную жизнь. Я чувствовал, что обязан привести его ко Христу. Я ничего не говорил своему старцу. Но стал тосковать, потерял аппетит, лицо мое пожелтело.

Старец, заметил это. Как-то он подзывает меня и спрашивает с любовью:

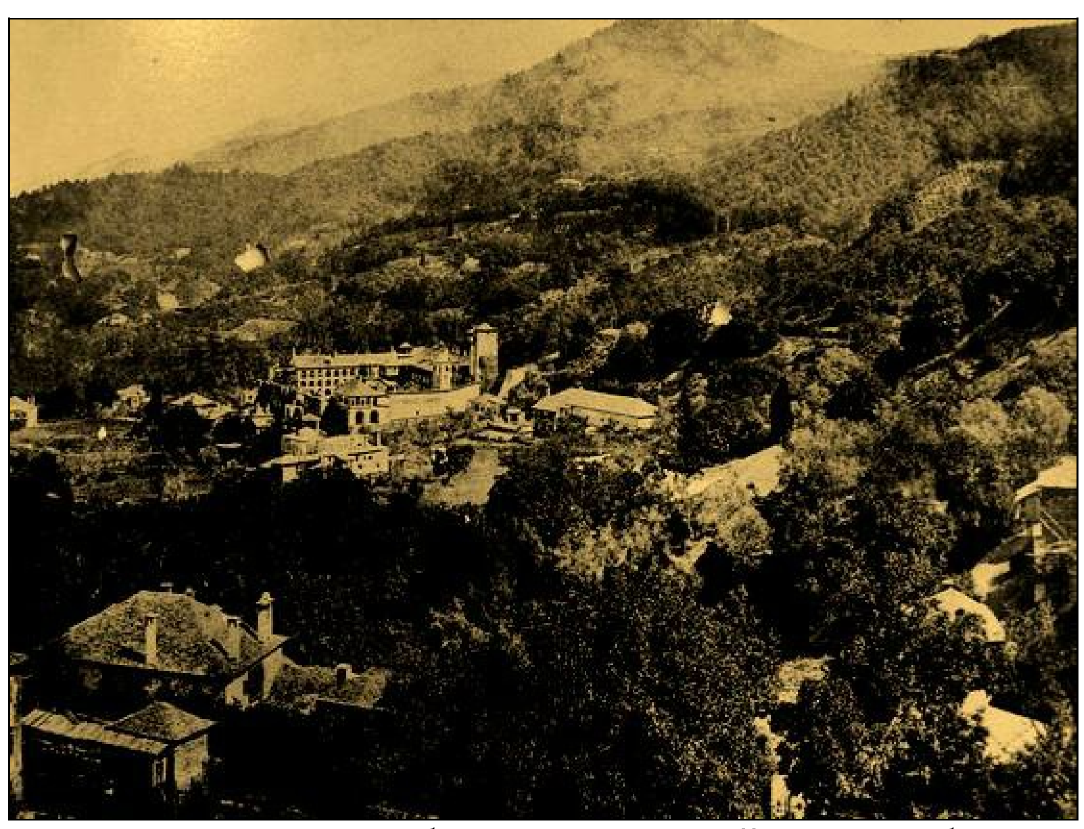
— Что за помыслы у тебя, детка? Что с тобой происходит?

Тогда я ему просто все рассказал. Но этого было достаточно, я освободился! Искушение прошло. Снова появился аппетит и радостью переполнилось мое сердце.

Я продолжал послушание своим старцам. Лицо мое просияло, я похорошел и стал более красивым. Тогда как раньше был худощавым. Теперь же лицо мое стало ангельским. Как я это увидел? Пошел как-то к старцу, а солнце било в его окно, и получилось зеркало. Когда я увидел свое лицо, то подумал про себя; «Ого! Как изменила меня благодать». Прежде я думал о родителях, и эти мысли мучили меня.

Потом я перестал думать о них. Только молился, чтобы Господь спас их. Сначала я скучал по ним, а теперь стал скучать по своим старцам. Я помнил о родителях, но память эта стала другой, память единственно с любовью Христовой. Я начал больше поститься и больше подвизаться. Я был словно сумасшедший, весь горел духовной ревностью. Я хотел постоянно находиться в церкви и делать то, что желали старцы, чтобы доставить им радость. Вот что такое изменение, преображение, превращение, совершаемое благодатью Божией. – рассказывал отец Порфирий.

Старцев моих я очень любил

Как я уже сказал, моими старцами были отец Пантелеймон и его брат отец Иоанникий. Я любил их, – вспоминал старец **Порфирий, -** хотя они были очень строгими. Тогда я этого не замечал. Поскольку любил их, я думал, что они не относятся ко мне строго. Я питал к ним великое уважение, благоговение и любовь. Благоговение мое было таким же, с каким я смотрел на икону Христа. С таким благоговейным трепетом.

Потому что после Бога были старцы. Они оба были священниками. Родом из Кардицы, высокогорного села. Как-то называлось это село? Достойно, чтобы это вспомнить... А – вспомнил! Это село Месениколас Кардицы. Оттуда было мое толстое шерстяное одеяло, под которым я спал до недавнего времени. Я был у старцев в полном послушании.

Послушание!

Как вам сказать, я знал, что это такое! Я предал себя послушанию с радостью, с любовью. Это полное послушание меня и спасло. За него Бог послал мне дар. Да, повторяю вам, я был в полном послушании у своих старцев. Послушание было не вынужденное, а с радостью и любовью. Я любил их истинно. И поскольку я любил их, эта любовь помогала мне чувствовать и понимать, чего хотели они.

Прежде чем они скажут, я уже знал, чего они хотели и как хотели, чтобы я это сделал, и так в каждом деле. Я бегал повсюду и делал то, что меня благословляли. Я посвятил им себя. Поэтому душа моя рядом с ними летала от радости. Я не помышлял ни о ком. Где родственники, где знакомые, где друзья, где весь мир? Жизнь моя была молитвой, радостью и послушанием моим старцам.

Мне достаточно было сказать всего один раз, чтобы я соблюдал их слово. Например, один раз старец сказал мне:

— Детка, мой руки и перед едой, и всякий раз, когда мы собираемся идти в церковь, потому что входим в святое место и должно быть все чистым. Мы оба священники, оба совершаем литургию. У нас должны быть чистыми руки. Однако чистота должна быть во всем.

Тогда я стал каждый раз мыть руки с мылом. Не нужно было говорить мне второй раз.

Перед едой я мыл руки с мылом. По какой бы причине я ни собирался идти в церковь, мыл руки с мылом. При занятии рукоделием, если это была тонкая работа, я мыл их с мылом. Так я поступал во всем, не противодействуя внутренне. Заметьте, что у меня было два старца, и часто они требовали противоположных вещей.

Однажды отец Иоанникий говорит мне:

— Возьми отсюда эти камни и перенеси их туда…

Я убрал их на указанное место. Приходит «старший» старец. Лишь только увидев их, он разгневался, отругал меня и сказал:

— Э-эээ, кривой (страбос) человек! Зачем ты это сделал? Разве эти камни должны быть там? Неси-ка их снова туда, откуда взял!

Вот, так – «кривой (страбос) человек» — так он меня ругал, когда гневался.

На другой день проходит там отец Иоанникий. Видит камни на прежнем месте, приходит в гнев и говорит мне:

— Разве я не велел тебе перенести эти камни туда? Я смутился, покраснел, положил ему поклон и говорю:

— Батюшка, прости меня, я почти все перенес их, но старец увидел это и сказал: «Отнеси их опять туда же. Они нужны нам там». И я их отнес обратно.

Отец Иоанникий не промолвил ни слова. Так старцы много меня тренировали. Но я ничего лукавого не подозревал, не говорил: «Они что, испытывают меня?» Мне на самом деле в голову не приходило, что они могут меня испытывать. А если они и испытывали, то делали это столь естественно, что догадаться было невозможно.

В этом был глубокий смысл. Потому что когда человек знает, что его испытывают, то может исполнить даже самое трудное дело, чтобы показать, что он — послушный. Но если человек не знает, что его испытывают, да еще и видит гнев другого, тогда не может его не кольнуть внутри:

«Ого! Что еще такое? Он столько лет монашествует и при этом гневается? Да разве такое возможно? Может ли монах быть гневливым и молиться? Не освободиться от гнева? Значит, эти люди далеки от совершенства...»

Но я так не думал, да и не знал, испытывают ли меня. Напротив, я очень радовался этому, потому что любил их. Да и они очень любили меня, хотя и не показывали этого. Я любил обоих старцев, но особенно привязался к своему духовнику — старцу Пантелеймону. Как говорит Давид: «Прильпе душа моя по Тебе, мене же прият десница Твоя »(Пс. **62**:9).

Так и моя душа прилепилась к моему старцу. Истинно говорю вам! И сердце мое было вместе с его сердцем. Я видел его, чувствовал его. Он брал меня с собой, и мы шли сначала в собор, а оттуда вместе на работу. Да, да, да, я его ощущал! Это очень освятило меня. То, что я привязался к старцу, а сердце мое прилепилось к его сердцу, освятило меня, принесло мне огромную пользу. Это был великий святой!

Однако старец ничего не говорил мне не только о том, откуда он родом, но и не называл мне даже своей фамилии, ничего, совсем ничего... Никогда он не говорил: «На моей родине» или «мои родители, мои братья» и так далее. Он всегда был молчалив, всегда молился, всегда был кроток. Если и гневался когда, то гнев его и все слова были только для вида.

Я любил его и верю, что благодаря послушанию и любви, которую я питал к нему, благодать посетила и меня.

Я наблюдал за ним, чтобы что-нибудь перенять у него, уподобиться ему. Я любил его, благоговел перед ним, смотрел на него и получал от этого пользу. Мне достаточно было лишь смотреть на него. Вот мы идем далеко. От самой Кавсокаливии вверх на гору, чтобы обрезать ветки каменного дуба. Всю дорогу молчим, не говорим ни слова. Помню, как старец показывает мне, какие дубы пилить. Едва спилив один, я кричу радостно:

— Геронда, я его спилил! Он отвечает:

— Пойди-ка с пилой вон туда.

Я очищаю все вокруг, чтобы можно было работать пилой. А он идет, чтобы найти мне следующий дуб. Мы произносили одно слово «монофиси», то есть на одном дыхании. Я сразу кричал:

— Геронда, я спилил и его!

При этом испытывал огромную радость. Это было необыкновенно. Это была моя любовь, была благодать Божия, которая исходила от старца ко мне, смиренному.

Я теперь понимаю, когда рассказывают:

Однажды пришли монахи и окружили одного подвижника, спрашивая его о разном. Один из них сидел и не говорил ничего. Он смотрел на лицо старца. Все спрашивали, а он — никогда. Пустынник задал ему вопрос:

— Почему ты, детка мое, не спрашиваешь ни о

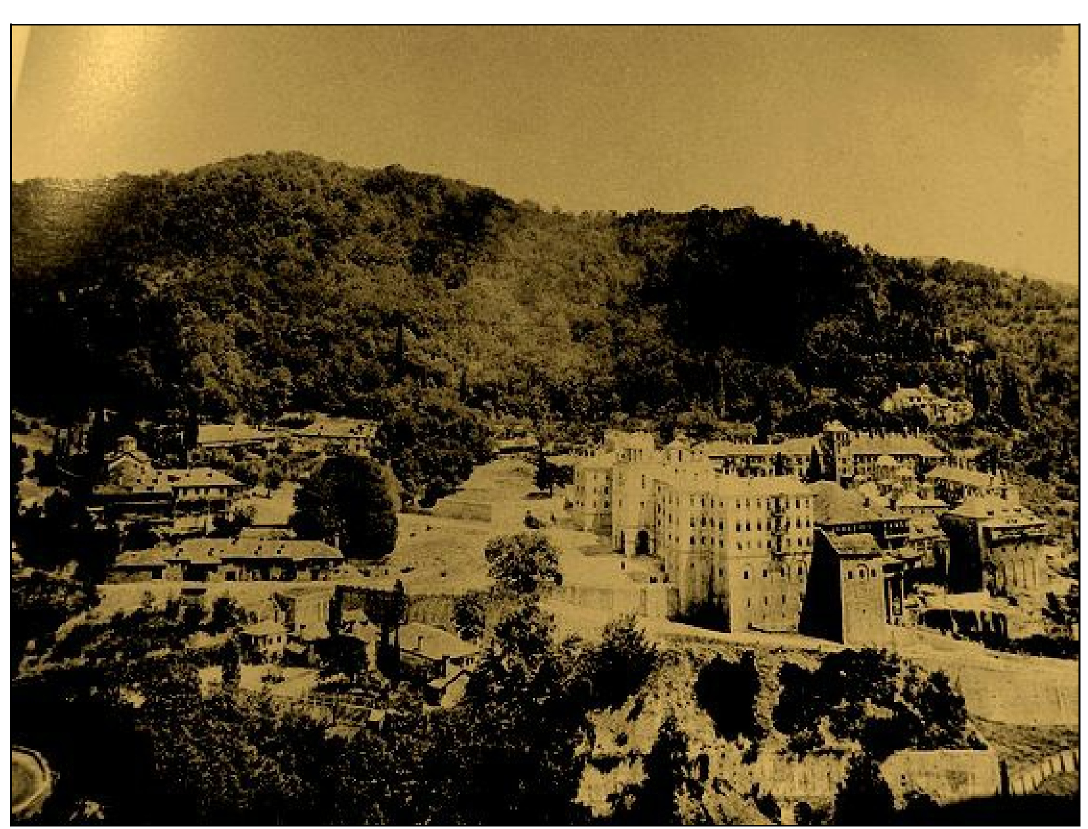
чем? У тебя нет никаких недоумений?

А тот отвечает ему

— Я не хочу ничего другого, мне достаточно лишь видеть тебя, Геронда.

То есть он наслаждался благодатно, впитывал его, через него получал благодать Божию. И преподобный Симеон Новый Богослов говорил то же самое — что получил благодать от своего старца.

Все, что я делал, я делал с великой с радостью!

Старцы не посылали меня на тяжелую работу, – вспоминал старец **Порфирий. -** Я только поливал сад и занимался рукоделием, вырезал по дереву. Да и не поучали меня. Первое время я лишь ходил с ними на службы. Ничего более.

По прошествии нескольких дней старец позвал меня, дал четки и сказал, чтобы каждую ночь я творил молитву: Господи Иисусе Христе, помилуй мя. Ничего более. Никакого поучения, никаких объяснений. Перед тем как дать мне четки, он сказал:

— Смотри, положи поклон, поцелуй мне руку, поцелуй крест на четках, чтобы я благословил тебя, дабы помог тебе Бог.

Так я научился молиться по четкам. Вне келий, то есть на работу за оградой келий, вначале старцы меня не посылали. Все работы, какие я делал, были только на келий. После я ходил в сад, копал, поливал, полол, делал все, что мог. Затем брался за рукоделие. После работы они ставили меня читать Псалтирь, а сами работали. Я все делал старательно и не хотел доставлять своим старцам никаких огорчений.

Меня заботило лишь то, как послужить им, как упокоить их во всем. Я делал все, что мне говорили. Соблюдал все в точности. Чтобы быть уверенным, я запоминал то, что мне говорили, и заучивал, как урок, держал это в уме и выполнял.

Например, моим рукоделием была резьба по дереву. Я внимательно смотрел, как делали это старцы, и вечером, когда ложился спать, в уме повторял «урок»: берем деревяшку, распиливаем ее и кладем в воду, чтобы она намокла. Потом вынимаем из воды и кладем сушить. Потом обтесываем топором, обрабатываем рубанком, зачищаем наждачной бумагой, берем рашпиль и обрабатываем им так... Потом берем морской камень, такой кристалл, который делает дерево глянцевым, его называли алмазным камнем. Затем делаем рисунок и так далее.

Весь процесс работы я обдумывал в уме, чтобы не забыть и о самых малых деталях, чтобы делать именно так, как они хотели. Я боялся ошибиться и огорчить их. Поэтому все, что они говорили мне, я заучивал наизусть. Они объясняли мне, зачем учиться рукоделию:

— Смотри, детка, учись рукоделию. Иначе не сможешь здесь остаться. Здесь тебе не

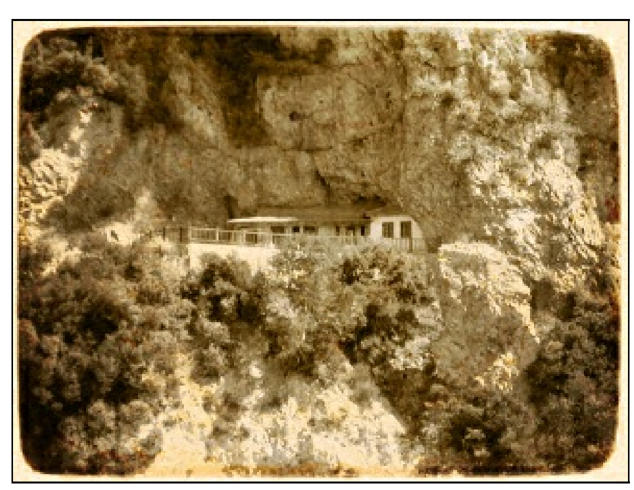
монастырь, то есть не киновия, где большие сады, виноградники, много фруктов. Здесь нужно трудиться, чтобы купить себе сухари…

Они говорили это и учили меня рукоделию. Чтобы не огорчать их, я занимался рукоделием даже ночью, перед тем как лечь спать. Таким образом, угром я был готов к работе. Что бы я ни делал, делал с радостью. Я говорил:

— «Я стану монахом! – решил будущий старец Порфирий . – Чтобы этому научиться, нужно постичь суть монашства!».

Я был любознателен и хотел изучать углубленно и всесторонне каждую вещь, каждое дело. Я хотел выучиться всему. Не потому, что я думал, что стану проповедником и это мне пригодится, но по одной лишь любви Христовой. Я взял благословение у старца читать последование пострижения в монашество и за пятнадцать дней выучил его все наизусть.

Я выработал привычку: не оставлять свой ум праздным, чтобы иметь чистоту ума

В комнате, где я занимался резьбой по дереву, было Священное Писание, – вспоминал старец Порфирий. – Я открывал его и читал. Евангелие я читал от начала, от Матфея: «Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова. Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его; Иуда родил Фареса и Зару от Фамари; Фарес родил Есрома; Есром родил Арама; Арам родил Аминадава; Аминадав родил Наассона; Наассон родил Салмона; Салмон родил Вооза от Рахавы; Вооз родил Овида от Руфи; Овид родил Иессея; Иессей родил Давида царя; Давид царь родил Соломона от бывшей за Уриею; Соломон родил Ровоама; Ровоам родил Авию; Авия родил Асу; Аса родил Иосафата; Иосафат родил Иорама; Иорам родил Озию; Озия родил Иоафама; Иоафам родил Ахаза; Ахаз родил Езекию; Езекия родил Манассию; Манассия родил Амона; Амон родил Иосию; Иосия родил Иоакима; Иоаким родил Иехонию и братьев его, перед переселением в Вавилон. По переселении же в Вавилон, Иехония родил Салафииля; Салафииль родил Зоровавеля…» (Мф.**1**:1—12).

Прочитав, когда работал, я повторял это про себя. Я повторял слова Евангелия много раз и помню их даже и теперь. Меня очень занимало держать в уме святые слова. Меня не утомляло многократное повторение, так как я любил Божественные слова, чувствовал их, углублялся в них. Я повторял их целый день, но не мог насытиться. Я не уставал произносить их каждый день.

Я испытывал великую жажду молиться.

Старцы уходили утром, а приходили только вечером, и я, как только выдавалось свободное от занятий время, шел в церковку Святого Георгия и предавался молитве. Да... Что там происходило! Я пребывал в такой великой радости, что и не ел. Я не хотел прерываться. Понимаете? Я произносил молитву, пел, читал. Ходил туда один. У меня был хороший голос. Правду вам говорю, у меня был замечательный голос. Говорю это не для того, чтобы похвалиться, но потому, что я так чувствовал.

У меня был очень хороший голос, и, когда я пел, мое пение было похоже на плач, причитание. Это были песни любви ко Христу, все, что хочешь... Понимаете? О-о! Что это были за проникновенные погребальные службы! И я переживал нечто такое, что невозможно передать словами. Понимаете?

Когда прошло немного времени и я подрос и укрепился, то старцы начали посылать меня на работу вне келии. У нас на келий в Кавсокаливии было мало земли, гумуса, и приносили его издалека на плечах. Когда я, исполняя послушание, ходил за землей к пещере святого Нифонта, я привык не оставлять своего ума праздным, но наизусть заучивал Священное Писание,

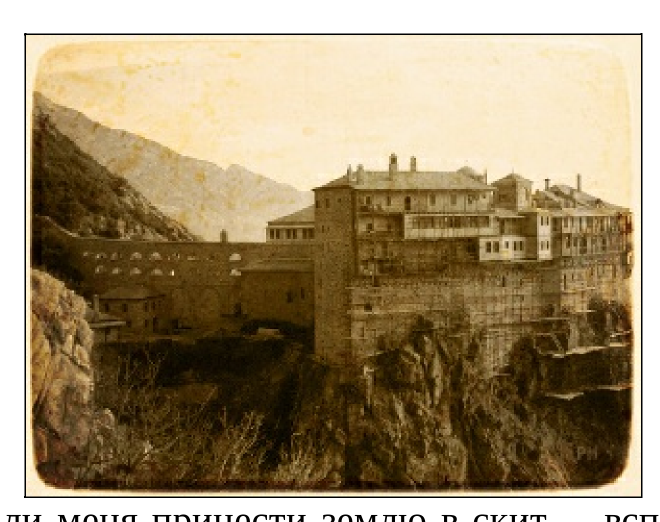
Псалтирь, каноны.

Я делал это, чтобы иметь чистоту ума. У меня никогда и в мысли не было, что эти знания пригодятся мне, чтобы говорить затем народу, как обычно делают священнопроповедники во время бесед и проповедей. Я никогда и не думал, что выйду из пустыни. Никогда мне в голову это не приходило. У меня было такое чувство, что я проживу там всю жизнь, там же и умру!

Но, вопреки моим желаниям, моим мыслям, я вынужден был уехать со Святой Горы...

Старец Порфирий вынужден был уехать.

Я простер свою руку и произнес проповедь

Однажды старцы послали меня принести землю в скит, – вспоминал старец Порфирий. – Когда я шел к пещере святого Нифонта, то, по своему обычаю, читал в уме Евангелие от Иоанна и смотрел на Эгейское море, которое простиралось, сливаясь с горизонтом. В одном месте я встал на скалу, вдыхая запах чабреца, и пришел в такой восторг от красоты природы, что начал кричать. Я даже простер свою руку и произнес проповедь. Да, я говорю вам правду!

На скале я простер руку, оставив свой мешок для земли внизу. Громким голосом, выразительно я начал:« Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы; ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его...» (Ин. **3**:19—20). Я произнес это до конца. Кому я говорил эту проповедь? Пространству, морю, всему миру.

Никто этого не мог услышать в пустыне Э, как бы вам сказать: я вам рассказываю то, что возлюбил и помню очень живо... — вспоминал старец Порфирий.

Я носился, как угорелый... Я не мог ходить!

Я совсем не мог сидеть! ! ! – вспоминал старец Порфирий. – Хотелось двигаться, идти то туда, то сюда, поливать огород, пилить дрова. И все это я всякий раз делал с поклоном. Я был полон радости и веселия. Меня переполняли чувства, и я бегал. Бегал, а не ходил! Смущался, однако, что старцы увидят, что я бегаю. Поэтому вначале шел потихоньку, а затем, отойдя немного, бежал.

У меня как будто выросли крылья, чтобы быстро все делать и поскорее возвращаться к своим старцам. Это была благодатная — что я вам скажу... — поистине ангельская жизнь! Да и мой благословенный старец имел великую ревность. Он говорил мне: «Пойди туда, пойди сюда...» Но и работы у нас действительно было много. Мне поручили присматривать за келией. Дом у нас был аккуратно ухожен. У нас было немного оливковых деревьев, огород.

Я ходил на многие работы. Часто поднимался в гору. От работы я, естественно, уставал. Нередко подкашивались ноги. Но откуда старцам моим было знать, как со мною, ребенком, обращаться? Я спускался с гор после трех часов дороги, а отец Иоанникий мне говорил:

— Завтра будем печь хлеб. Поэтому собирайся-ка, насобирай веток.

Я брал веревку и шел в горы за ветками. Шел по натоптанной, но крутой дорожке. Но помню не только это. Часто старцы посылали меня принести чурбачки или бревна. Я взваливал их на себя и нес их, как навьюченный осел. Когда у меня от тяжести начинала болеть поясница, я садился отдохнуть на камешек. Если ноша была очень тяжела, я говорил сам себе:

— «Вот я тебе задам, старый осел!»

Я не знал лени. Да, я действительно не жалел свое тело. Когда мои колени болели, я хотел им отомстить. То есть когда колени протестовали и болели, я брал груз еще больше и снова говорил:

— «Вот я тебе задам, старый осел!»

И я мстил, мстил злодею — самому себе. Невероятно, но я носил, хотя был юношей семнадцати лет, тяжесть в семьдесят ока на расстояние, к примеру, как от Омонии до вершины Ликавитоса.

Лени не было совсем. Мне нравилось молиться, даже когда я был уставшим. В обессиленном состоянии я еще более искал Бога. Вы должны этому поверить и понять, что это действительно возможно. Это результат любви. Дело не в том, что ты быстро ходишь, делаешь одно дело, начинаешь другое, возвращаешься и следишь за тем, чтобы успеть закончить все: полить, прополоть, принести земли и дров, сходить в горы, принести деревяшки для рукоделия. Благодаря любви становишься неутомимым. И знаете, куда тогда деваются грехи? Они все спят. Слышите? Такова в действительности страническая жизнь, жизнь преподобническая, святая, жизнь райская. – утверждал старец Порфирий.

Я был подобен некому дикому животному в чаще леса!

Настоящее послушание!

Безумие ради Бога!

Не могу вам сейчас показать на примере, что такое настоящее послушание. – рассказывал старец Порфирий. – Если поговорить о послушании, а потом сказать: «Иди-ка, сделай кувырок» и ты выполнишь — это не послушание. Но когда ты далек от мысли о послушании и совсем не думаешь на эту тему, и тебя вдруг попросят сделать что-либо, и ты сделаешь это с радостью — будь ты хоть на работе, хоть сонным или неготовым, и тебя смирят, — вот тогда ты своим поведением и покажешь, выполняешь ты послушание или нет.

Я буквально придерживался заповедей своих старцев. Мне говорили:

— Не рассказывай о том, что мы делаем и какой у нас порядок на келий. Если встретишь на пути какого-нибудь монаха и он скажет тебе «благослови», с благоговением и любовью во Христе отвечай ему «благословите». Если это старец, то целуй ему руку. Если он спросит тебя:

— «Как поживают твои старцы?» — отвечай:

— «Хорошо, вашими молитвами».

И тут же иди дальше, более не разговаривай. Если кто-то будет догонять сзади и о чем-нибудь спросит, не останавливайся и не отвечай, потому что не все монахи хорошие и нужно относиться к ним осторожно. На все, что спросят тебя, отвечай: «Не знаю, спросите старца». Говори «благословите» и уходи. Если тебе скажут: «Ваше рукоделие, ваша резьба по дереву не очень-то хорошие. Поучись-ка иконописи, пению и так далее», — не слушай ничего, иди свей дорогой.

Однажды послали меня к пещере святого Нифонта. На пути я встретил трех мирян: так на Святой Горе называют тех, кто не монахи. По своему обычаю, я, приблизившись к ним, сказал «благословите» и пошел дальше. Поскольку я казался «диким», то один из компании посочувствовал:

— Какой жалкий мальчонка, по-моему, он не в себе...

Я уже обогнал их, но у меня был очень хороший слух. Услышав это, я порадовался такому уничижению и улыбнулся про себя.

- «Он прав, — сказал я, — совершенно прав, но что он может знать о моем безумии!»

За пределы келий я выходил нечасто. Старцы не брали меня даже на престольные праздники. То есть когда праздновали память какого-нибудь святого, они шли в храм, а меня оставляли дома.

На Святой Горе старцы зажигали огонь. Я не хотел быть рядом с очагом. К огню я не подходил совсем. Старцы садились около огня, а я поодаль. Я боялся, боялся, что тепло испортит меня. Я говорил это старцам, и они, бедные, позволяли мне так поступать. Это дело

привычки. Если привыкнешь сидеть около огня, то потом не сможешь уже принудить себя к злостраданию. Когда у меня начинался насморк, я пил горячий чай, делал пятьсот-шестьсот поклонов, потел и менял одежду. Потом ложился в постель и бывал здоров.

Я действительно был «диким». Я был подобен некому дикому животному в чаще леса! Искренно говорю вам. По снегу и скалам бегал босым. Видели бы вы, как краснели на снегу мои пятки, ноги! Старцы не принуждали меня ходить без обуви, да и сами не ходили босыми. Я этого хотел сам. А они не запрещали мне.

Но в церковь, в кириакон, я надевал и носки, и ботинки, а не деревенские башмаки из грубой кожи. Вспоминаю один замечательный случай. Была весна. Старец послал меня сходить в Керасью… По дороге я снял свои башмаки, потому что хотел, чтобы мои ноги на снегу и льду огрубели и стали как подошвы.

Старцы, глядя на меня, радовались, – вспоминал старец Порфирий. – Но в то же время они, бывало, меня и смиряли, и ругали. Даже если я делал доброе дело, они говорили мне, что я сделал плохо. Не всегда, конечно. Но они хотели застать меня врасплох. То есть поймать меня в тот момент, когда я не ожидал.

Старцы мои были святейшими людьми. Они воспитывали меня разными способами, даже строгими. Никогда они не говорили мне «молодец» или даже «это у тебя хорошо получилось». Никогда не хвалили меня. Они всегда давали мне советы, как полюбить Бога и как смиряться, как просить Бога, чтобы Он укрепил мою душу в еще более сильной любви к Нему.

Вот чему я учился. А похвалы с их стороны я никогда не слыхал, да и не искал ее. Дома тоже меня не приучали к похвалам, не говорили мне:

— «Браво, это ты хорошо сделал».

Мать ругала меня. Отца не было, он годами в Америке работал на Панамском канале. Это принесло мне большую пользу. Тот, кто учится смирению, привлекает благодать Божию. Если старцы не ругали меня, я огорчался и говорил себе:

— «Как жаль, что старцы не достаточно строги ко мне».

Я хотел, чтобы меня наказывали, чтобы ругали и обращались со мною строго. Теперь-то я понимаю, насколько строги они были. Но тогда я этого не понимал, потому что любил их. Я никогда не хотел разлучаться с ними.

Из-за моей великой ревности я не раз забывался но старец у меня был в глубине сердца!

Из-за моей великой ревности я не раз забывался, – рассказывал старец Порфирий. – Ревность приводила меня к крайностям. И подвиги я совершал без благословения. Но это эгоизм. Вот я приведу вам один пример. Послушайте.

Как-то раз, старцы на целый день ушли на работу, а меня оставили на келий одного. Я занимался рукоделием. Нашим рукоделием, как я уже вам говорил, была резьба по дереву. Однако они не открыли мне еще все секреты этой работы до конца. Может быть, боялись, что уйду.

И вот однажды я взял хорошее белое дерево и набросал на него рисунок. Я вырезал черного дрозда, очень красивого, в движении, с отведенными назад крыльями, клюющего гроздь винограда. Гроздь свисала с лозы, на которой было два-три листа. Клюв у дрозда был внизу. Вышло очень красиво. По дереву я прошелся наждачной бумагой. Когда мои старцы вернулись, я положил им поклон. Взял свою деревяшку и говорю отцу Иоаннникию:

— Смотри, что я сделал!

Как только он увидел мою работу, выпучил глаза и начал кричать:

— Кто тебе сказал это сделать? Ты спросил кого-нибудь?

Он взял у меня деревяшку, бросил ее на землю и разбил на множество кусочков.

— А ну-ка иди-ка быстро и скажи старцу, — говорит он мне мне.

Я очень расстроился и попросил прощения. Я не думал, что огорчу их.

— Почему ты что-то делаешь без спроса? Иди быстро к старцу, покажи обломки и исповедуйся.

Я тут же пришел к старцу и показал ему обломки. Он мне говорит:

— Детка, не нужно было этого делать. Без благословения не бывает ничего хорошего. Так ты можешь впасть в прелесть и потерять благодать Божию.

Я сделал поклон, в простоте и бесстрастии попросив прощения. Нарекание меня не только не огорчило. Но про себя я даже говорил: «Мои старцы должны обращаться со мной строже, должны меня наказывать».

Однако в другой раз я сознательно сделал непослушание. Как-то старцы уходили на работу, и «старший» старец мне говорит:

— Видишь там наверху, на полке, книгу? Не трогай ее, не надо, ты еще маленький. Потом, когда станешь лучше, более смиренным, то прочтешь ее.

Это для меня было законом. Я даже не смотрел туда. Но однажды, когда старцы ушли в Керасью, меня разобрало любопытство. Я подошел, встал напротив полки и долго смотрел на

нее. Книга была высоко. Я, маленький, не мог до нее достать и размышлял, как лучше это сделать, все ходил кругом, ходил...

- «Да ладно, — решил я, — хотя бы гляну, о чем она».

Тогда я поставил скамейку, поднялся на нее, достал книгу и спустился вниз. Каково же было мое разочарование! Буквы были все спутаны, как будто она была написана на иностранном языке. Она был написана от руки. Большая книга, очень большая, толстая. Я не мог понять эти старые словечки: «чрез», «бо» и тому подобные, потом уже их выучил. И буквы были особенные... Какая-то «сигма», какая-то...

Как бы вам объяснить, какая она была! Это была рукопись. Книга преподобного Симеона Нового Богослова. Но книга очень большая, с толстыми листами. Она была очень тяжелая, весила много килограммов. Я не смог читать ее и положил снова наверх.

Но после этого на меня напали печаль, смущение, скорбь. Не шла ни работа, ни молитва. Ничего. Раньше, когда старцев не было, я ходил в церковь, приходил в умиление. К тому же у меня был прекрасный голос, поэтому я пел. Пел тропари, как бы причитал. Это было похоже на рыдание. Они были умилительными, нравились мне и глубоко меня затрагивали. Но в этот раз после преслушания я не пошел в церковь.

Вышел наружу, сел на отмостку и с печалью стал смотреть на Эгейское море. Сидел и смотрел на море. Мне даже не хотелось говорить: Господи Иисусе Христе. Ох, вы меня понимаете? Полное уныние. Я даже не пошел в церковь, не произносил: Господи Иисусе Христе. На меня напала тоска, Я верил в Бога, но не хотел преступать заповеди старцев. Бога я ощущал, но не хотел огорчать и человека. Я не хотел быть причиной печали кого-нибудь. Но что делать! Ох...

Итак, вечером пришли старцы. Что мне, бедному, делать? Решил им все рассказать, но не смог. Пошел в церковь лишь потому, что должен был идти со старцами. Прочитали вечерню, прочитали повечерие. Я не сказал им ничего.

Поднялся в комнату, наверх, комнаты мы называли «кавья». Не стал ни поклоны делать, ни правила совершать, ни молиться по четкам.

Я лег на постель и представил, как я буду лежать в гробу, когда умру. И меня охватила еще большая печаль. Утром зазвонил колокольчик. Мы спустились, я читал во время службы, мы закончили утреню, после отпуста вышли наружу. Ушли из церкви, чтобы пойти в трапезную. Больше я не мог терпеть. Я потянул за рукав старца, «старшего», духовника, и говорю ему:

— Геронда, можно тебя на минутку?

Он тут же повернулся, мы снова пошли в церковь, и я сказал ему:

— Я расстроен... Я совершил преслушание. Ты сказал, чтобы я не прикасался к той книге, а я ее посмотрел и с тех пор не могу найти покоя. Не могу ни молиться, ни совершать свое правило, ни делать поклоны.

— Детка мое, разве я не говорил тебе? Почему ты это сделал?

— Геронда, прости меня. Это было искушение, и я в большом унынии. Прости меня, и по твоим молитвам я впредь буду внимателен и не ослушаюсь.

Он прочитал надо мной молитву. И вы представляете?! – Все тут же ушло!

У меня было одно качество: лишь только я исповедался старцу, то, слава Богу, все у меня тотчас проходило. И каждый раз после исповеди меня посещала великая радость и я с особым усердием предавался молитве. Я верил, что сказанное на исповеди сказано Богу, что я снова с Богом. Как явственно я ощущал это внутри себя.

Это трудно представить! А теперь я вижу, как некоторые говорят:

— «Смотри, чтобы об этом не узнал старец!»

Понимаете?.. А у нас старец был в глубине сердца, – вздыхал старец Порфирий .

Я сильно любил своих старцев, хотя в то время все послушники любили своих старцев. После Бога первым был старец. Если ты совершал что-нибудь против его воли, то из-за преслушания не мог ни причащаться, ни делать что-либо иное…

Послушание – это Тайна духовной жизни

Многие на Святой Горе жили в безвестности, умирали, и никто о них не знал. И я хотел жить так же тайно, – вспоминал старец Порфирий. – Я не хотел стать ни священнопроповедником, ни кем-либо другим. И никогда я не допускал мысли уехать со Святой Горы.

Юный мальчик в совершенной пустыне! Чтобы понять, как это жить в пустыне без посторонней помощи, я поднимался в горы и часами оставался там, чтобы быть как пустынник. Находил дикие травы и ел их, делал это ради подвига. Я хотел жить один, как тот святой, которого я любил с детства, как святой Иоанн Каливит.

Это был мой любимый святой. Я ему подражал. Меня поразило, как он смог выдержать жить рядом с родителями, поставить свою каливу напротив их дома и не открыться им, а все время их укреплять. Так и в тропаре сказано: «От младенчества Господа возжелел еси тепле, мир оставил еси и яже в мире сладкая, и подвизался еси добре; поставил еси каливу пред вратами твоих родителей, разрушил еси демонов козни, всеблаженне; сего ради тя, Иоанне, Христос достойно прославил есть».

И в Ексапостилларии: «Нищий, яко иной Лазарь, пребыл еси, преподобие, у врат родительских, печалуяся. Геронда, малою каливою, всемудре. Но обрел еси ныне пространное со ангелы вселение и святыми всеми на небесах, Иоанне».

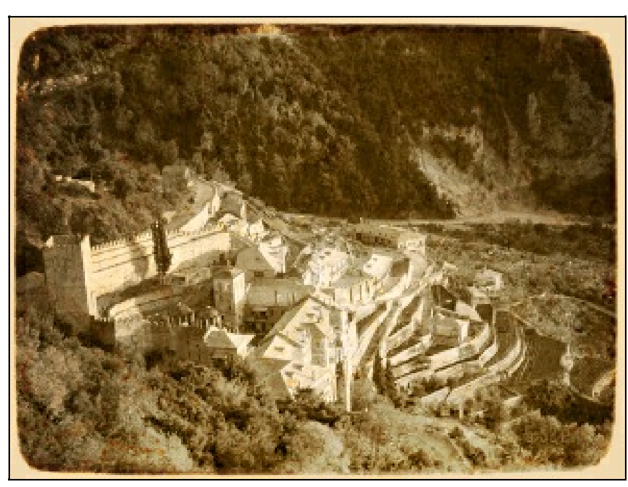
Своему старцу я рассказывал все! – утверждал старец Порфирий. – Да, открывал все помыслы, и он иногда, когда видел крайности, предостерегал меня:

— Это прелесть, детка.

Вся моя жизнь была сплошным раем: молитва, служба, рукоделие, послушание моим старцам. Но послушание мое было плодом любви, оно не было вынужденным. Это благословенное послушание принесло мне огромную пользу. Оно изменило меня. Я стал сообразительным, энергичным, более крепким телом и душою. Оно привело меня к познанию всего. Я должен день и ночь благодарить Бога, что Он удостоил меня пожить этой жизнью.

Я преклонился под иго послушания и углубился в изучение его. Все остальное, что Бог принес в мою жизнь, пришло само собою. И дар прозорливости дан был мне Богом за послушание. Послушание показывает любовь ко Христу. Христос особенно любит послушных. Поэтому Он говорит: «Любящих меня я люблю, и ищущие меня найдут меня» (Притч. **8**:17). В Священном Писании все открыто, но прикровенно.

Я имел большую ревность к духовной жизни

Старцы никогда не указывали, что мне делать, – вспоминал старец Порфирий. – Они дали мне четки и сказали:

— Говори молитву...

Больше ничего... Они видели мою ревность и не говорили мне много, даже того, что мне читать. Они не позволяли мне читать ничего из великих отцов, где даны были слишком строгие правила. То есть они не позволяли мне читать преподобных Ефрема, Исаака, Иоанна Лествичника, Симеона Нового Богослова, читать

Эвергетинос и многое другое. Мне это было запрещено. Поэтому, выполняя послушание, я читал лишь жития святых, Псалтирь, Октоих, Минею и таким образом хорошо научился читать, потому что раньше толком не умел.

Но у меня была большая ревность к духовной жизни. Я часто ходил к церкви Святого Георгия, где помогал по строительству, и пел много песнопений. Больше всего мне нравились троичные каноны, а также те песнопения, где говорилось о Божественной любви.

Это было рыдание, песнь любви — как хотите это называйте. Я плакал, обливаясь слезами. Но это были не слезы печали, а слезы радости, Божественной радости. Я приходил в умиление, прекрасно пел! Это была моя жизнь.

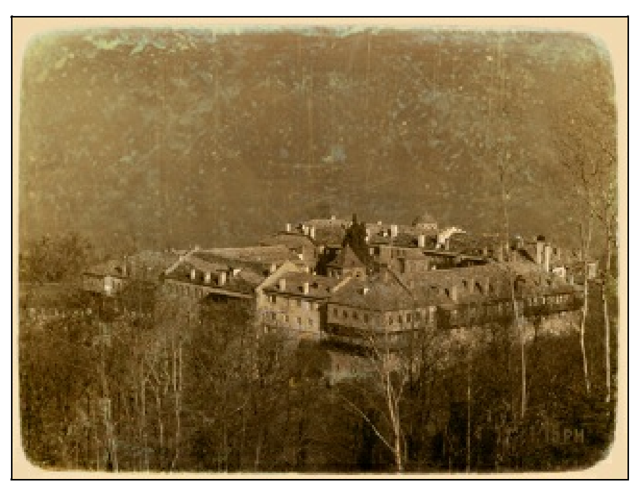
Я жил благодатью Господней, а не своей силой. Все было от Божественной благодати. Причиной всего были не мои способности, не моя ученость, которой не было, ни то, ни другое, ни третье... Все было от благодати Божией.

Но иногда меня заносило, – признавался старец Порфирий. – Не спрашивая старцев, я начинал самовольничать.

Вот послушайте.

Для чистоты ума я начал заучивать Священное Писание наизусть. Начал с начала, с Евангелиста Матфея. Однажды представился случай, и я рассказал старцам первую главу от Иоанна. Услышав это, они отругали меня за то, что я выучил без благословения.

Я ждал этого часа с великим вожделением!

Чада, с чего начать вам рассказ о том, как я стал монахом? Это долгая история — моя жизнь на Святой Горе, – так начал рассказ старец Порфирий. – Когда мне было уже четырнадцать лет, старец подозвал меня и спросил:

— Что ты собираешься делать, каковы твои планы? Останешься здесь?

— Останусь! — ответил я, полный ликования и радости.

— Положи поклон…

Я сделал поклон. Тогда он принес мне свою рясу, старую, в которой он работал. Она была штопана-перештопана до такой степени, что уже не было видно первоначального материала, из которого она была сшита. От пота воротник был весь засаленный. В кириаконе я видел прекрасно одетых монахов и мечтал о такой же рясе.

Да что там говорить! Я жаждал этого часа и по-детски думал тогда, что и ряса, которую на меня наденут, будет красивая и новая. Но когда наступил этот час, что я увидел? Какие-то заштопанные лохмотья! Я огорчился, правда ненадолго, всего на пять минут. Да я и был ребенком, четырнадцати лет. Но ничего не сказал, не стал жаловаться. Увидев рясу, я почувствовал смущение, как я вам сказал, но тотчас обратил его на доброе.

— Благословите! — сказал я и взял ее.

Больше я об этом не думал. Я думал о подвижниках, которые носили власяницы, никогда их не снимали и не стирали. Бог за это послал мне великое утешение. Я пошел на чтение Псалтири. Мне выпало читать Соборное послание Иоанна. И в тот же день, Боже мой, Ты говорил со мной! Боже мой, Ты сказал мне так много, – признался отец Порфирий.

Через два-три года я принял великую схиму.

Через два-три года я принял великую схиму, – рассказывал старец Порфирий. – Накануне я получил еще одно особое благословение. С моим старцем мы должны были пойти в Великую лавру, чтобы взять благословение на постриг. Игумен, давший благословение, был очень святой человек.

Там, где мы проходили через келию аскета, святого Нила Мироточивого на пути к лавре, я в первый раз почувствовал небесное благоухание. Благоухание переполнило меня всего, и я сказал об этом старцу. Тот выслушал меня в простоте, не сказал ничего и пошел дальше. Так и нам подобает смотреть на это просто. Во второй раз я ощутил небесное благоухание на мощах святого Харалампия.

В ночь моего пострига все отцы собрались в церкви Святой Троицы, в кириаконе, отслужили всенощное бдение и пропели прекрасные умилительные песнопения. Я был в белых носках, разутый и исполненный умиления, – вспоминал старец Порфирий. – Я положил всем поклон, приложился к святым иконам, и предстоятель стал задавать мне специальные вопросы последования великой схимы. Глаза мои от умиления были полны слез.

Когда бдение закончилось, мы пошли на келию. Я был в большой радости, но хранил молчание. Я хотел быть наедине с одним Богом. Когда находишься в таком состоянии, то не хочется ни петь, ни говорить. Ищешь молчания, чтобы ясно расслышать голос Христа.

На Святой Горе мне очень нравились именно бдения

Жизнь на Святой Горе — это жизнь в непрестанном бдении, – вспоминал старец Порфирий. – Во время келейного бдения, когда оно совершается искренне, то есть когда все соединяются в общей молитве, создается такая духовная атмосфера, в которую все легко входят, и от этого бывает великая духовная польза. Душа утончается, создаются более удобные условия для духовного подъема и глубокого общения с Господом.

На Святой Горе встают в два часа. В тот час я ощущал благоговейный трепет. Молитва сотрясала местность, сотрясала духовный мир. Вот какова любовь ко Христу.

На Святой Горе мне очень нравились бдения. Я становился другим человеком. Я всегда был большим приверженцем ночной молитвы, у меня была великая любовь к тому, чтобы слушать слова. Мой ум ни на минуту не хотел, чтобы сон забирал у него время.

Я не спал, – признался старец Порфирий. – С любовью молился на бдениях. Когда иногда я сидел в стасидии, то спиной не опирался на нее, чтобы не уснуть. И после Божественной литургии я тоже не хотел спать. Во мне царствовала любовь, поэтому я оставался в состоянии бодрствования.

Та самая Благодать, которую имел мой почитаемый подвижник, излучилась и на мою душу!

Божественный плен

В кириаконе, куда я ходил на бдения и службы, я узнал святых людей, – рассказывал старец Порфирий. – Послушайте, я расскажу вам об одном неизвестном святом.

Над нашей каливой, очень высоко, жил один русский, старец Димас, жил он один в какой-то первобытной каливе. Он был весьма благочестив. Старец Димас был практически не известен никому на протяжении всей своей жизни. Никто не говорил ни о его имени, ни о его дарах. Представляете, уехать из России, оставить все, чтобы приехать на край света! Кто знает, сколько дней добирался он в Кавсокаливию. Старец Димас провел там всю свою жизнь. И умер в безвестности….

Да и не было кого-либо рядом с ним, кому он мог бы сказать: «Сегодня я сделал пятьсот поклонов. Почувствовал то-то...» Это был тайный подвижник.

Да, да. Это было совершенным, совершенным и бескорыстным. Бескорыстие, служение, святость, один на один с Ним, и при этом у меня не было никакого человекоугодия. Я служил ему как раб Владыке. Больше ничего другого. Ни игумен, ни «браво» тебе, ни вопросов: «Почему это так?» Я видел живого святого. Да, неизвестного святого.

Его, бедного, презирали. Кто знает, когда он умер. Через сколько дней, а то и месяцев — если была зима — узнали об этом. Куда там человеку подняться к нему наверх, к его каливе, выложенной из камней! Никто его и не видел. Часто таких пустынников находили через месяц-два после их успения.

Господь явил обильное излияние Благодати ко мне, смиренному, когда я увидел его, старца Димаса, в кириаконе делавшим поклоны и рыдавшим при молитве. При поклонах его посетила такая благодать, что она излучилась и на меня. Тогда излилось и на меня богатство благодати. То есть она была и прежде по любви, которую я питал к своему старцу. Но тогда и я почувствовал благодать очень сильно. Я расскажу вам, как это случилось.

Однажды рано утром, около половины четвертого, я пришел в соборный храм Святой Троицы на службу. Было еще рано. В било еще не били. В церкви никого не было. Я сел в притворе под лестницей. Меня не было видно, я молился. Вдруг открывается дверь церкви и входит высокий пожилой монах. Это был старец Димас, Войдя, он посмотрел направо, налево и не увидел никого. Тогда, держа в руках большие четки, он начал класть земные поклоны, много и быстро, и все время говорил; «Господи Иисусе Христе, помилуй мя... Пресвятая Богородице, спаси нас». Вскоре он пришел в исступление.

Я не могу, не нахожу слов, чтобы описать вам его поведение пред Богом: это движения любви,

благоговения, движения Божественной любви и всецелого посвящения себя. Я видел, как он стоит, как, стоя прямо, простирает свои руки в виде креста, как делал Моисей на море, и стенал... «…И простер Моисей руку свою на море, и гнал Господь море сильным восточным ветром всю ночь и сделал море сушею, и расступились воды…» (Исх **14**:21)

Что это было? Он был в благодати. Сиял во свете. Вот что было! Он тут же передал мне молитву. Я сразу вошел в его состояние.

Он меня не видел. Поверьте мне! – воскликнул отец Порфирий. – Я пришел в умиление и начал плакать. И ко мне, смиренному и недостойному, пришла благодать Божия. Как это объяснить? Он передал мне благодать. То есть благодать, которая была у этого святого, засияла и в моей душе. Он передал мне свои духовные дары.

Итак, старец Димас пребывал в исступлении. Он сделал это помимо своего желания. Он не мог скрыть своего духовного опыта. Хотя то, что я вам говорю, не совсем правильно. Не могу вам этого передать словами. Это был Божественный плен. Это необъяснимо. Это совершенно не подлежит объяснению, и если ты попытаешься это объяснить, то скажешь не то. Нет, такое не объяснить, не найти в книгах, не понять. Чтобы постичь, нужно быть достойным этого.

Старец Димас передал мне дар молитвы и прозорливости

В четыре часа ударили колокола, – вспоминал старец Порфирий. – Старец Димас услышал их звон, сделал еще несколько поклонов и прекратил молиться. Он присел на каменную скамейку — думаю, что она была сделана еще до построения храма. Приходит Макарудас — так мы ласково называли отца Макария. Он был шустрым и сладкоречивым.

Он был ангелочком. Как здорово он зажигал лампады! Как здорово он зажигал паникадило! А как красиво он гасил свечу за свечой! Как красиво он клал поклоны! Он просил прощения справа и слева, чтобы взять книги и канонарить. О-о, как я его любил! И он был достоин любви, потому что имел благодать Божию.

Итак, Макарий, Макарудас, вошел в главный храм. За ним открыл дверь старец Димас и тоже вошел внутрь. Он встал в стасидию, чтобы перед службой привести себя в порядок, полагая, что его никто не видел. А я спрятался в тени лестницы и незаметно, робко зашел в главный храм. Я пошел и приложился к иконе Святой Троицы. Потом повернулся и стал поодаль. При возгласе со страхом Божиим много отцов причастилось. Я тоже положил поклон и причастился. И в тот момент, как я причастился, ко мне пришла чрезвычайная радость, необыкновенное воодушевление.

После службы я уединился в лесу, исполненный радости и веселия. Безумие! Я в уме произносил слова благодарственных молитв, направляясь к каливе. Я с воодушевлением бегал по лесу, скакал от радости, в исступлении раскрывая руки, и громко кричал: «Слава Тебе, Бо-о-о-о-же! Слава Тебе, Бо-о-о-о-же!» Да, руки мои застыли, стали как кость, как дерево и раскрытые образовали вместе с телом крест.

То есть если бы вы посмотрели на меня сзади, то увидели бы крест. Голова была поднята к небу, грудь с помощью рук стремилась ввысь. Место, где находилось сердце, порывалось вылететь. То, о чем я вам рассказываю, я и вправду пережил. Сколько времени я оставался в таком состоянии, не знаю. Когда пришел в себя, опустил руки и в молчании, со слезами на глазах пошел дальше.

Пришел к келии Не стал завтракать, как обычно. И говорить не мог. Пришел в церковь, но петь по своей привычке умилительные тропари не стал. Сел в стасидии и стал молиться: Господи Иисусе Христе, помилуй мя. Я продолжал пребывать в том же состоянии, но более спокойно. Меня душило умиление. Я разразился слезами. Они сами по себе, без всякого принуждения катились из моих глаз. Я этого не хотел, но меня переполняло волнение от посещения Божия. Слезы не прекращались до вечера. Я не мог ни петь, ни думать, ни разговаривать. И если бы кто-нибудь был там, я бы не стал разговаривать, ушел бы, чтобы быть одному.

С уверенностью можно сказать: старец Димас передал мне дар молитвы и прозорливости в

тот час, когда молился в притворе соборного храма Кавсокаливии во имя Святой Троицы. О том, что произошло со мной, я никогда не помышлял, никогда не желал, никогда не ожидал. Старцы никогда не говорили со мною о таких дарах. Такой у них был обычай.

Они учили меня не словами, а своим примером, – вспоминал старец Порфирий. – Читая жития святых и преподобных, я видел дары, данные им Богом. Отцы не вымогали, не просили дарований, не стремились к знамениям. Поверьте мне, я никогда не просил у Бога даров. Никогда о том не думал. И то, о чем я никогда не думал, появилось внезапно, а я тому никогда не придавал значения.

Вечером того же дня я вышел из церкви, сел на лавку и стал смотреть в сторону моря. Приближался тот час, когда старцы обычно возвращались домой. Я смотрел в ту сторону, откуда они приходили, в ожидании, что они вот-вот появятся, и увидел их. Я увидел, как они спускаются по мраморным ступенькам. Но место это было далеко, я не должен был его видеть. Увидел я их по благодати Божией. Я воодушевился. Такое случилось со мною впервые. Я срываюсь с места, бегу к ним и встречаю. Беру у них котомки.

— Откуда ты узнал, что мы идем? — спрашивает старец.

Я не ответил. Но когда мы пришли к келий, я подхожу к «старшему» старцу, отцу Пантелеймону, и втайне от отца Иоанникия говорю ему:

— Геронда, не знаю даже, как это объяснить! Хотя вы были за горой, но я видел, как вы шли нагруженные, и побежал. Гора была как стекло, и я видел, что за ней…

— Хорошо, хорошо, — говорит старец, — не придавай этому значения и не рассказывай никому, потому что лукавый ходит по пятам…

Тогда я жил среди звезд, в бесконечном пространстве, в духовном небе!

Все я видел через призму благодати Божией

Дара прозорливости я никогда не желал, – вспоминал старец Порфирий. – И когда получил его, не старался его развивать. Я не придавал ему значения. Я никогда не просил и не прошу у Бога открыть мне что-нибудь, потому что полагаю, что это противно Его воле. Но после события со старцем Димасом я совершенно изменился. Жизнь моя стала сплошной радостью и ликованием. Тогда я жил среди звезд, в бесконечном пространстве, в духовном небе!

А раньше я был не таким…

После того как я ощутил благодать Божию, все дары преумножились. Я стал смышленым, выучил каноны Пресвятой Троице, канон Иисусу, другие каноны. Если их пели и читали в церкви, то я их заучивал наизусть. Псалтирь читал наизусть. На определенные псалмы, слова которых похожи, я обращал внимание, чтобы не путать их. Я действительно изменился. Много видел, но ни о чем не говорил, потому что не имел права говорить, не имел такого извещения.

Все видел, на все обращал внимание, все знал. От радости не ходил по земле. Тогда открылось у меня обоняние, и я стал различать все запахи, Открылось зрение, открылся слух. Я стал издали все узнавать, распознавать животных и птиц. По пению я знал, что это за птица; дрозд ли, воробей, зяблик или соловей, скворец или клест. Всех птиц я различал по пению. В конце ночи, на рассвете, я радовался трелям соловьев, дроздов, всех, всех птиц...

Я стал иным, другим, обновленным, – признавался старец Порфирий. – Все, что видел, переводил в молитву. Все обращал на себя. Почему птичка поет и славит Создателя? Так хотел делать и я. То же самое и с цветами. Цветы я различал по их аромату, а их благоухание слышал на расстоянии получаса ходьбы. Различал траву, деревья, воды, скалы. Да, я разговаривал даже со скалами! Как я смотрел на них'.

Я спрашивал их, и они рассказывали мне все тайны Кавсокаливии. Это глубоко затрагивало меня, и я приходил в умиление. Все я видел через призму благодати Божией. Видел, но не говорил. Часто ходил в лес. Мне очень нравилось ходить меж камнями по высокой траве, между маленькими и большими деревьями.

Я полюбил соловья, и он в меня вселил вдохновение!

Однажды утром я один пошел в девственный лес, – вспоминал старец Порфирий. – Все было в утренней росе, сверкало на солнце. Я оказался в ущелье, перешел на другую сторону и сел на скале. Неподалеку ручей тихо нес свои холодные воды, а я творил молитву.

Стояла полная тишина, не было слышно ни шороха. Скоро в тишине я услышал сладкий, упоительный голос, прославляющий, воспевающий Творца. Я посмотрел вокруг, однако ничего не увидел. Наконец, напротив себя на одной из веток различил микроскопическую, как мне показалось, птичку. Это был… соловей!

И вот, я слушал, как соловушка щебечет, как он просто разрывается от любви! От пения надувалось его горлышко и, как мы говорим, он, поистине, выбивался из сил (мальясе)! Эта маленькая птичка расправляла сзади свои крылышки (на кани ката писо та фтера ту), чтобы набраться силы, и издавала сладчайшую мелодию! Это был прекрасный звук. И горлышко птичье так надувалось... По – по — по!

Ах! — Был бы у меня стаканчик воды, чтобы он подлетел и утолил бы свою жажду!

Я не могу передать вам то, что чувствовал тогда. Но я открыл вам тайну. Думал тогда: «Почему такой маленький соловейчик выдает такие трели? Почему так заливается? Почему поет такую прекрасную песню? Почему, почему, почему? Почему он так надрывается? Почему, ради чего? Может быть, ожидает чьей-то похвалы? Конечно нет, там никто его не похвалит». Сидел и философствовал. Это пришло ко мне после старца Димаса.

Раньше я не философствовал. Чего мне только не рассказал этот соловей! И чего я ему только не наговорил в тишине: «Соловейчик мой, кто тебе сказал, что я буду проходить здесь? Здесь нет никого поблизости. Это место такое недоступное. Как здорово и без перерыва ты исполняешь свой долг, свою молитву к Богу! Сколько всего ты мне рассказал, соловей мой, сколькому научил! Боже мой, я прихожу в умиление. Соловейчик мой, своим пением ты показываешь мне, как нужно славить Бога, ты рассказываешь мне о многом, очень о многом...»

Сейчас здоровье не позволяет мне описать это так, как я это чувствую. Можно было бы написать целую повесть. Я очень полюбил этого соловья. Я полюбил его, и он меня вдохновил. Я подумал: «Почему он, а не я? Почему он скрывается, а я — нет?» И мне пришла мысль, что нужно удалиться, пропасть, как бы перестать существовать. Я сказал: «Зачем? Разве люди слышат его? Разве он знал, что я буду здесь и услышу?

Кто слышал, как он надрывался? Почему он прилетел в такие удаленные места? А те соловьи в зарослях кустарника, в овраге, которые поют днем и ночью, утром и вечером; кто слышит, как они разрываются? Почему они это делают? Почему они прилетали в такие удаленные места? Зачем надрывали свои связки? Цель — служба, пение своему Творцу, служение Богу». Я так объяснил это.

Всех птиц я видел ангелами Божиими, славящими Бога, Творца всяческих, которых не слышал никто. Да, они прятались, чтобы их никто не слышал, поверьте мне! Их не интересовало, слышали ли их, но они стремились к уединению, к тишине, в пустыню. Кто их услышит в тишине? Только Творец всяческих, Создатель всего, Тот, Кто даровал им и жизнь, и дыхание, и голос. Вы спросите: «Разве у них есть ум?» Что на это сказать? – удивлялся старец Порфирий.

Не знаю, делали они это сознательно или нет. Не знаю. Потому что это птички. Сегодня они живы, а завтра их нет, как говорит Священное Писание. Мы не должны мыслить иначе, чем говорит Священное Писание. Бог может нам показать, что все они — ангелы Божии. Мы этого не знаем. Они всегда скрывались, чтобы никто не слышал их славословия.

Так и у монахов жизнь там, на Святой Горе, проходит в безвестности. Живешь со старцем, любишь его. Поклоны, подвиги, все бывает, но ты их не помнишь и о тебе никто не говорит:

— «Кто это такой?»

Ты живешь Христом, ты — Христов. Живешь внутри всего, живешь Богом, в Котором все живет и движется, в Котором и чрез Которого — это мои собственные греческие выражения. Ты входишь в нетварную Церковь и живешь в ней как неизвестный.

Я принял помысел, советующий удалиться в пустыню и жить вместе с Богом, один на один.

Я весь был там! Ум мой уже убежал в пустыню, – вспоминал старец Порфирий. – Осталось лишь попросить у старца благословение, взять котомку с сухарями, скрыться, чтобы непрестанно воспевать и славить Бога. Но я думал: «Куда мне идти? Я и рукоделию толком не научился». Меня еще ему не обучили. Может быть, боялись, что я уйду. Подобный страх был нередким на Святой Горе. А именно, старцы не учили послушника рукоделию до конца, чтобы он не ушел. В то время для монаха рукоделие было как воздух, потому что с его помощью он мог заработать себе на сухари.

И вот, в уме у меня укрепилась мысль уйти в пустыню, чтобы жить один на один с Богом, бескорыстно, без гордости, без эгоизма, без тщеславия, без этого, без того, без всего... Вы мне верите? От этого у меня родилось бескорыстие. Крайнего совершенства достигали те редкие аскеты, которые скрывались в пустыне. Они не стремились ни к людской славе, ни к чему, ни к чему, ни к чему... Они обливались слезами к Богу и молились все за Церковь. Все они труждались прежде всего ради мира и Церкви, а потом уже ради себя.

Как бы то ни было, у меня в голове засел этот соловей, его цель жизни. Для чего он надрывается в пустыне? Это служба, песнопение, славословие Богу, Творцу. И почему же мне не пойти в пустыню, чтобы служить Богу в безмолвии, скрывшись от мира и общества? Разве может быть что-либо совершеннее этого? Все эти мысли у меня возникли благодаря соловью. О, какие я строил планы! Как я бы пошел в пустыню, пребывал бы в радости и умер! О, как я ел бы траву, делал то, се! Я бы оборвышем и неизвестным приходил в какой-нибудь монастырь, чтобы мне дали сухарей. Я бы их ел и не говорил, откуда я и кто я. Я составил целый план. Это было моей тайной.

Я вернулся на келию весь в этих чувствах и мечтах, – вспоминал старец Порфирий. – Рассказал это старцу. Он улыбнулся.

— Прелесть, — говорит мне, — выбрось это из головы. Даже не думай об этом, потому что эти вещи станут препятствовать твоей молитве.

Я говорил вам уже много раз, что у меня было великое благо: все, что я исповедовал старцу, прекращалось в ту же минуту, и внутри себя я чувствовал великую радость. Это было, наверное, по молитвам старца.

Так я послушником и жил в земном раю Святой Горы. Никогда я не желал уехать оттуда. Но планы Божии были иные…

Спасение Божие

Как-то раз был дождливый день, – вспоминал старец Порфирий. – Когда дождь прекратился, мы видели из мастерской, где работали, что много отцов из других келий идут в сторону пещеры святого Нифонта за улитками. Отец Иоанникий увидел проходивших мимо отцов и расстроился. Он хотел, чтобы и я пошел за улитками. Я говорю ему:

— Старец сказал, чтобы я не ходил. Я уже собирался, но он вернул меня. Но если ты хочешь, чтобы я пошел, я окажу послушание и пойду.

Тогда он говорит мне:

— Сходи. Сегодня много улиток.

Я взял торбу и убежал. Вначале я не бежал, чтобы старцы не видели меня. Но, отойдя поодаль, я пустился бегом. Я зашел высоко, на какие-то отвесные скалы, куда не забредают даже кабаны, когда в сырую погоду собираются стаей и идут есть улиток. Я собирал их три часа.

Набрал много, полную торбу. Я очень сильно вспотел, и на спуске — а был вечер и воздух охладился — меня прохватил холодный ветер, спускавшийся с Афона к морю. Торба на плече вся промокла, а спина у меня замерзла от слюны, которую выделяли улитки.

Спускаясь по непроходимым местам, я должен был перейти осыпь — это такой склон, усыпанный битыми камнями, щебнем. Когда я дошел до середины, вся осыпь, подобно реке, стала двигаться с вершины горы, увлекая за собой камни, глыбы и все остальное. Ширина ее была пятнадцать — двадцать метров.

Ноги мои погрузились в камни до колен, я не мог идти. Я был с грузом и в этой смертельной опасности стал кричать: «Богородица моя!» Через секунду невидимая сила отбросила меня на двадцать метров, на противоположную сторону ущелья, на какие-то большие скалы, которые тоже вот-вот могли покатиться вниз.

В эту минуту внизу проходили отцы, возвращавшиеся от святого Нифонта. Они тоже несли улиток. Они увидели осыпь, оценили опасность и стали кричать: «Э-эй! Может быть, там кто-то есть?»

Я был уже вдали от опасности, целый и невредимый. Только башмаки мои остались в осыпи, а ноги были все в крови. Отцы снова начали кричать, но я не отвечал. Хотел ответить, но не мог. У меня был шок. Я их слышал, но не отвечал.

Нетронутая торба висела у меня на плече. Там было больше восьмидесяти ока . Придя в себя, я начал карабкаться по одной скале, затем по другой, пока не спустился вниз. — Лишь только я спустился, столкнулся с другой опасностью. Я заметил змею, которую называют молочницей. Я очень испугался...

Спасение Божие, вот что это было! Я пришел на келию, охваченный ужасом. Упал и рассказал старцам обо всем, что со мною случилось. Я был в шоке, – вспоминал старец

Порфирий. – Рассказал об осыпи, о башмаках, которые потерялись, о своих ногах, которые были все в крови, о змее. Старец очень огорчился и наказал отца Иоанникия. Он дал ему епитимью: не литургисать много месяцев, — а тот плакал обо всем, что случилось.

Он поцеловал меня в лоб, расстались, обливаясь слезами.

По причине того самого переохлаждения у меня начался гнойный плеврит, и я жестоко мучился, – вспоминал старец Порфирий. – У меня не было аппетита, я не хотел есть. Старцы позвали высокого, святого подвижника — отца Антония. Церковь его келий была освящена в честь преподобных отцов, на Святой Горе Афонской подвизавшихся и в подвиге просиявших.

Он немного лечил. Он пришел, осмотрел меня, сходил в свою каливу и принес вытяжной пластырь, налепил его мне на спину. Всю ночь пластырь вытягивал жидкость из моей спины. На другой день, часов в десять утра, он взял ножницы, продезинфицировал их спиртом и стал разрезать пластырь, который пропитался мокротами и стал похож вместе с моей кожей на подушку. Отрезал он вместе с кожей.

Боль в тот момент была нестерпимой. Силы мои истощились, и я потерял сознание. Когда пришел в себя, то ощутил великую внутреннюю радость, потому что мог молиться. Тогда я начал петь: «От многих моих грехов немощствует тело, немощствует и душа». Услышав меня, отец Иоанникий подходит ко мне, целует меня в лоб и говорит:

— Сынок, прости меня!

Приходит старец и говорит ему сурово:

— А – слепой человече! Видишь, что ты наделал?!

У меня не было аппетита, я не хотел есть, ел совсем чуть-чуть, и с каждым днем мне становилось все хуже. Был близок к смерти. Старцы и сам отец Антоний, который лечил меня, испугались, что я умру.

— Мальчик должен уехать, — сказал отец Антоний, — он не выдержит. Ему нужны лекарства, которых у нас нет. Он не ест, и чем дальше, тем хуже.

Подумайте только, я сделал один глоток толченого миндаля, и мне стало плохо. Настолько ослабел мой желудок.

Старцы очень хотели, чтобы я жил с ними, но оказались перед необходимостью отправить меня в мир, потому что на Святой Горе не было ни молока, ни мяса. Тогда они дали мне свое благословение, сделали бумаги от дикея скита, чтобы я около двух месяцев провел в деревне, пока не приду в себя. И я уехал. Отец Иоанникий взял меня и отвез в Дафни на лодке с веслами.

Тогда моторных лодок совсем не было. Не было ни мулашек, ни техники. Если надо было что-либо отнести наверх, подвижники носили на своих плечах, на спине. Итак, мы приехали в Дафни. Я не мог стоять. Меня положили в комнате, где располагалась почта. Вскоре у меня страшно заболели почки. От боли я заплакал. Плакал и отец Иоанникий. Я же, несмотря на сильную боль, нашел в себе силы, чтобы утешать его:

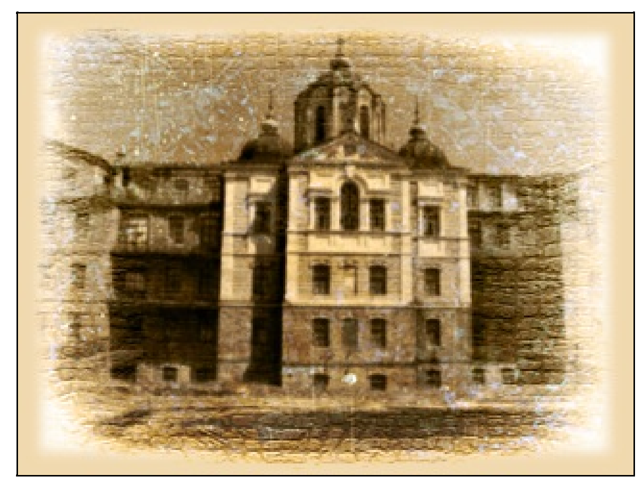
— Не плачь, Геронда. Я выздоровею, нет у меня ничего...

А он, плача, утешал меня:

— Не плачь, детка мое, ты выздоровеешь. Пришел корабль, он меня посадил, поцеловал в лоб....

Так старец Порфирий уехал с Афона.

Эвбея (1925—1940)

Их сердца смягчились, они сами хотели поститься, подвизаться и желали познать Христа.

Я даже в мыслях не допускал, что когда-либо вернусь в мир…

Я даже в мыслях не допускал, что когда-либо вернусь в мир, – вспоминал старец Порфирий. – Моя родина была в Кавсокаливии. Я, конечно, просил Бога, чтобы Он дал мне болезнь. И Он дал мне болезнь. Но я говорил:

— «Хорошо, Боже мой, Ты дал мне ее. Но не так же, чтобы высылать меня со Святой Горы…».

Но Он выслал меня.

Я уехал по болезни. То есть Господь выгнал меня. Бог услышал меня, но сделал не так, как я хотел. Он дал мне то, чего я просил, но и то, чего я не хотел. Потому что из-за болезни я уехал со Святой Горы. И таким образом после стольких лет вернулся в свой дом!..

На корабле время тянулось бесконечно. Все для меня было странным: дети, женщины, которых я не видел годами.

В свою деревню я поехал через Халкиду. Проехал через Аливери, добрался до Святого Иоанна, своей деревни. Сначала пошел в сады. Встретил своего зятя, Николая, отца Елены. Я спрашиваю его:

— Кто здесь есть еще?

— Э, — говорит он, — вот там недалеко — Леонид Баирактарис(это был отец мой), — а там другие. — Он назвал их имена.

С гулко бьющимся сердцем пошел я встречать своего отца. Я много лет не видел его. Как я уже сказал, он годами работал в Америке. Увидев его, я сразу его узнал. А ему куда было меня узнать! Монах, длинные волосы и очень длинная борода. Я стеснялся этого и спрятал все в подрясник. Из-за болезни остались только кожа да кости!

Я поздоровался с ним. Он спрашивает:

— Ты кто? И откуда?

— Монах, — отвечаю. — Есть у тебя семья, дети? Сколько у тебя детей?

— Было четверо, но один мой сын пропал много лет назад. Мы его потеряли. Он работал в Пирее и пропал.

— В Пирее? Как его звали?

— Евангел.

— Евангел? Он был моим другом.

— Скажи, ты знаешь, где он?

— К сожалению, он умер...

— Как, умер?

Сердце отца моего не выдержало. Он начал плакать. Тогда не выдержал и я. Я бы растаял, даже если бы был железным. Стал плакать и я. Сердце мое сильно билось. Я больше не мог видеть, как разрывается сердце моего отца, и я открылся ему:

— Это я, отец! Евангел.

Что тут произошло! Радость и слезы смешались. Мы обнялись и, растроганные, пошли домой, чтобы найти мою мать. Но мать у меня была суровой. Увидев меня, она стала сильно на меня ругаться. Она считала большим оскорблением для себя, что ее сын стал монахом.

Все село пришло меня повидать

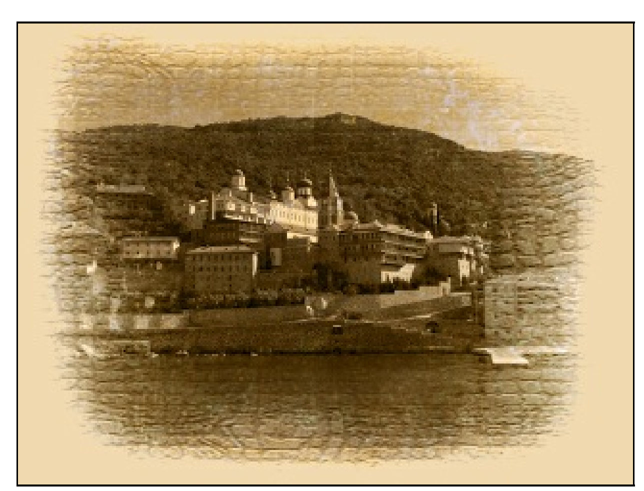
Все село узнало, что я вернулся, и люди приходили на меня глянуть, – вспоминал старец Порфирий. – Я был молодым парнем. До своей болезни я был очень красивым и розовощеким. Но лицо мое было прекрасно не мирской красотой, а Божественной. И теперь, когда я вернулся в мир, все говорили обо мне и о моих волосах. Они отросли ниже пояса.
В деревне поднялся большой шум. Поэтому я, чтобы не стричь их, вскипятил воду в кастрюле, сунул их туда и долго варил. Тогда волосы испортились и выпали. Образовалась лысина.

Люди в деревне приходили, как я сказал, просто глянуть на меня. Разошлась молва, что сын Леонида Баиракатариса, который пропал и которого считали умершим, вернулся с Афона, где подвизался. И народ от любопытства приходил на меня посмотреть.

Я не разговаривал, еще очень стеснялся. Пошел я в деревенскую церковь. Все смеялись надо мной. Мать моя смущалась, плакала и рыдала. Она не хотела даже видеть меня и, бедная, выгнала меня из дома…

Вначале меня взяла к себе моя тетка. В ее доме я начал хорошо питаться: ел сыр, яйца, мясо, молоко, чтобы поправиться от болезни. Но я не смог там жить, потому что желал другой обстановки. Что мне было делать дома? Да еще я смущался, что с тех пор, как уехал, ничем не помог своим родным... Как же тут желать, чтобы они ухаживали за мной? – Удивлялся старец Порфирий ...

Как только я почувствовал себя лучше – сразу отправился на Святую Гору

В четырех-пяти часах ходьбы от нашей деревни был монастырь Святого Харалампия, – вспоминал старец Порфирий. – Однажды я попросил отца, чтобы он проводил меня туда, но не для того, чтобы я там остался. Я не знал, как там и примут ли меня там. Между тем в Аливери случайно мы встретили отца Иоанна Папавасилиу. Он позвонил владыке — тогда была телефонная линия из Аливери в Кими — и сказал, что приехал один монах со Святой Горы. Владыка города Кими, Пантелеймон Фостинис, очень любил монахов и говорит ему:

— Отец Иоанн, береги его, чтобы он не уехал от нас!

Отец и я отправились в монастырь. На прощание я хотел поцеловать у матери руку, но она, бедная, отдернула ее, не дала мне поцеловать.

Итак, мы с отцом пошли в монастырь Святого Харалампия. В монастыре игумен принял меня с радостью и любовью, поговорил со мной. Когда я рассказал ему о своих трудностях, он предложил мне:

— Оставайся здесь. У нас есть и яйца, и молоко, и куры, – все есть.

И я остался там. Игумен полюбил меня так сильно, что готовил для меня специально. Сначала у меня не было даже аппетита, но постепенно я пришел в себя. Вначале отец жил со мною, чтобы ухаживать за мной. Отец мой был псалтом и сподобился познакомиться со святым Нектарием. Он был очень верующий и благоговейный.

Когда я почувствовал себя хорошо, тогда снова поспешил на Святую Гору. Приехал туда. Как обрадовались мои старцы! Но через десять-тринадцать дней все началось сначала. У меня пропал аппетит, я стал бледным, худым, отощал на вермишели и тому подобной пище. Представляете, как тяжело я был болен.

Тогда я еще раз получил благословение на отъезд в монастырь Святого Харалампия. Там снова яйца, сыр, масло и прочее, как и прежде. Я снова приходил в себя, укреплялся. Через три месяца возвращался на Святую Гору. Три раза я уезжал и приезжал, но через десять-тринадцать дней все повторялось.

В третий раз старцы говорят мне:

— Мы ответственны за твое здоровье и не можем тебя оставить. Мы любим тебя, хотим, чтобы ты был здесь, но Бог показывает, что ты должен уехать, чтобы не умереть.

Еще они добавили:

— Мы любим тебя, и если когда-нибудь Бог сподобит тебя, а мы верим, что Он поможет, и ты станешь здоров, если захочешь приехать, найди такого же юношу, как ты, и приезжай. Мы хотим, чтобы ты был с нами.

И, дав свое благословение, отослали, сказав на прощание:

— Мы боимся, как бы братия не стала нас осуждать, если ты умрешь здесь в столь юном возрасте. Мы не хотим посылать тебя в мир, но иначе поступить не можем. Видишь, что и мы очень переживаем. Но мы сделали все, что от нас зависит, что только может сделать любящее сердце. Ты три раза уезжал и возвращался, но не смог удержаться здесь.

Они дали мне на дорогу толстое шерстяное одеяло, которое я сохранил. Это мое лучшее одеяло. Оно было в моей келий, я лежал на нем. На этом одеяле я совершал все свои духовные подвиги. Я делал земные поклоны и спал, бодрствуя.

Так я окончательно уехал со Святой Горы, – скорбно добавил старец Порфирий. – Приехал в монастырь Святого Харалампия. Там все ждали меня, любили и радовались моему возвращению. Я снова начал питаться молоком, маслом и яйцами.

Я вспомнил одну важную деталь, и сейчас хочу дополнить: Один монах со Святой Горы, звали его отец Иоаким, — он жил на келий святого Нила, послушники его живы до сих пор — написал моей матери письмо, в котором сильно ее отругал, очень сильно. Он написал ей, что даже дикие звери любят своих детей… Он написал в этом письме много, много прекрасного, но и еще больше укоряющего и тяжелого. Тогда мать моя пришла в большое сокрушение.

Бедная, позже она изменилась, и обратилась к Церкви. Когда я служил, она сидела напротив, складывала руки крестообразно и молилась. Все время смотрела на меня, не оставляла меня ни на минуту и с гордостью говорила; «Батюшка мой!»

В одной деревне, в Цакеях, где я немного послужил после хиротонии, ее называли попадьей. Ей целовали руку, а она, бедняжка, гордилась. Она и умерла при мне. «Детка, надо было всех сделать монахами! — говорила она мне. — Сначала я неправильно понимала это. Вот бы все мои дети стали монахами!»

Епископ Порфирий рукоположил меня во священника

Я жил как монах в монастыре Святого Харалампия, а именно, хранил правило, – вспоминал старец Порфирий. – Мне очень нравилось читать жития святых, каноны и многое другое. Я наизусть выучил Новый Завет, различные молитвы. Псалтирь я за несколько лет до того выучил наизусть. Знал все псалмы и мог связывать по смыслу разные места из текстов Священного Писания. Псалтирь была пищей для моих размышлений.

Повторюсь еще раз: в монастыре я жил как монах, ходил в старой рясе. Ночью я обычно выходил из монастыря и читал Псалтирь, которую в монастыре не читали. Помогал в монастырских работах. Бегал туда-сюда. Мне дали ключи от монастырской сыроварни, потому что в монастыре было два-три старых монаха, которые нуждались в помощи. Они, бедные, мне полностью доверяли...

Но и на послушаниях я не оставлял своего ума праздным, а поучал его. То есть я не поучал его, а это было постоянное желание Бога. Ну как вам объяснить? Это как девушка, которая заболела, например, плевритом, но на уме у нее только возлюбленный. Понимаете? Любимый... Это было полное посвящение себя Возлюбленному, Христу.

Там я и стал священником. Послушайте-ка, я вам расскажу об этом.

Владыка Фостин привечал богословов, поддерживал их. Однажды приехал в село Кими к владыке один студент-богослов, чтобы подготовиться к выпускным экзаменам. Обычно после еды владыка проводил в трапезной беседу со всеми монахами на различные духовные темы. Например, владыка спрашивал;

— Дети, скажите мне, какая самая великая добродетель?

Монахи высказывали свое мнение. За столом сидело человек пятнадцать. Темы были различными: о Писании, о религии, о монашестве.

Однажды вечером, когда речь зашла о монашестве, владыка воскликнул:

— Ах, дайте мне монахов! Ничего другого и не хочу. Только это. Только монахов, хороших, верующих, терпеливых. Тогда многое можно будет сделать.

В этот момент встал этот богослов — он был из Коклы, недалеко от Фив — и говорит ему:

— Владыка, как тебе сказать? Ты восклицаешь о монахах, а в монастыре медленно умирает один монах со Святой Горы, а ты и не знаешь об этом.

— Что ты говоришь! — взволновался владыка.

— Да, приехал один юноша, бедняга, со Святой Горы. Он очень хороший, но худой, кожа да кости. А игумен еще ставит его на работы.

— Сейчас же езжай и привези его мне сюда. Приезжает он к игумену с письмом, спрашивает Никиту — так меня тогда звали, это было мое монашеское имя. Он тут же отвез меня к владыке.

Когда я приехал к нему, он положил свою руку мне на голову и говорит:

— Как поживаешь, детка?

Он провел меня к себе, и мы стали беседовать.

— Откуда ты? Как сюда попал?

Я вкратце ему рассказал, как я любил Христа и подвижническую жизнь, как в юном возрасте уехал на Святую Гору. Рассказал и о том, как заболел и старцы послали меня в мир, чтобы я выздоровел. Знаете, что тут началось?

Он вызвал лучшего врача города. Врач пришел ко мне, осмотрел меня, дал мне целую кучу лекарств. Владыка хотел меня удержать. Но я стеснялся оставаться рядом с ним. Мне нравились лес, тишина, молчание. Я вернулся обратно в монастырь Святого Харалампия.

Владыка часто посещал монастырь. Это был человек святейший. Я его узнал по его дарованиям. Как-то он приехал в монастырь Святого Харалампия. Я услышал, как он говорит, и мне понравились его слова. Я никогда не слышал священнопроповедника. Этот владыка создал одно учреждение недалеко от Кими, которое назвали «Священным братством Святого Пантелеймона». Владыка иногда приезжал в монастырь с ребятами из этого братства

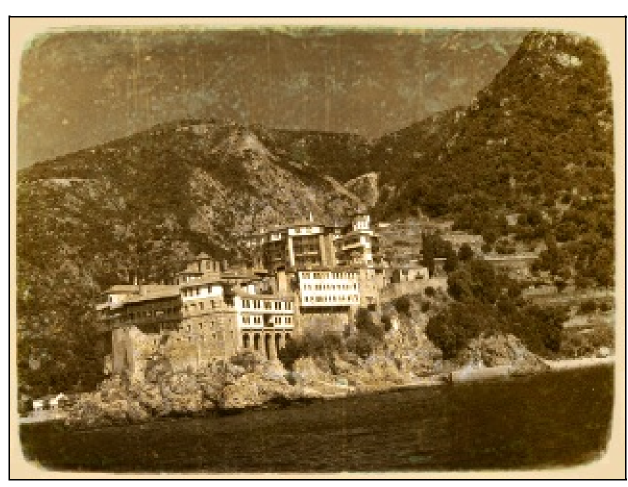
И вот, владыка приехал в монастырь с архиепископом горы Синайской Порфирием III. Они решили рукоположить меня во священники. Я не хотел этого, понимаете? Я знал, что правильно — желать стать монахом, а не добиваться сана священника или владыки. Нужно бежать этого. Я это точно знал!

В конце концов, епископ Порфирий сделал меня священником и дал мне свое имя. Я его воодушевил. Я по благодати открыл ему нечто его личное, когда шел с ним в горах, и он сказал владыке:

— Этого не теряй.

Мне было тогда двадцать лет, – напомнил старец Порфирий. – Я не хотел становиться священником, но иначе быть не могло. Владыка очень настаивал, а владыка — образ Христов. Нельзя ему отказывать настойчиво. Нельзя разорвать своих отношений с епископом, потому что молитва твоя тогда не взойдет к небу, остается бесплодной. Так они рукоположили меня во диаконы в праздник святой Параскевы и во священники — в день праздника святого Пантелеймона.

Я должен был проводить бесконечные исповеди!

Меня сделали духовником уже через два года, – вспоминал старец Порфирий. – На престольный праздник, когда собралось много народу, меня подвели к трону владыки и официально прочитали надо мною молитву духовника. Я был еще молод. Откуда у меня были знания! Глупеньким, бедный, был... Я был необразован, не знал правил духовника. Что сказать? Не все знал... Что делать? Преклонил в послушании голову. Теперь я понимаю. Тогда я толком не понимал.

Как меня любили и монахи, и люди, которые приходили ко мне исповедоваться! Там я исповедовал день и ночь. То есть начинал я рано утром, продолжал целый день, следующую ночь, потом весь следующий день, а потом вторую ночь без перерыва. Двое суток без еды. К счастью, Бог позаботился обо мне, просветил мою сестру. Она приносила мне немного молока, чтобы я пил. К комнате, где я исповедовал, вела высокая лестница со многими ступеньками, по которой поднимались люди на исповедь. Всю ночь они ожидали своей очереди. Уходя, они говорили друг другу: «О, этот священник — сердцеведец!» Называли они меня так по-албански. Там я провел пятнадцать лет.

Когда ко мне приходили, я обычно спрашивал:

— Сколько тебе лет? С кем живешь?

Один отвечал:

«Со своей женой». Другой: «Со своими родителями». Третий: «Живу один». Я продолжал: «Где ты учился? Чем занимаешься? Как долго не исповедался? Как долго не причащался?» Как-то так. А потом, в зависимости от того, что они мне говорили, я немного беседовал с ними и, поскольку очередь ждала, спрашивал:

— Брат, что ты вспоминаешь сейчас? Что, как ты чувствуешь, отягощает твою душу, твою совесть? Какие соделал прегрешения, в какие впал грехи?

И человек начинал потихоньку исповедовать свои ошибки, я ему немного помогал, сказав прежде, что он должен вправду сказать, что он чувствует.

Тех, кто приходил ко мне на исповедь, первое время бросало в жар. У меня лежала книга «Руководство к исповеди» преподобного Никодима Святогорца. Например, человек мне открывал какой-нибудь тяжкий грех. Я смотрел в книгу. Там было написано: «Восемнадцать лет не причащаться». Тогда у меня еще не было опыта. Я назначал епитимьи согласно правилам, и что было написано в книге, являлось для меня законом. Постепенно стали приходить и на следующий год. Приходили из разных мест, из разных деревень, и из далеких, и из близких. Но когда я спрашивал их: «Как давно не исповедовались?» — они мне отвечали:

— Да – как, в прошлом году я тебе исповедовался.

— И что я тебе сказал?

— Ты сказал мне делать по сто поклонов каждый вечер.

— Ты делал их?

– Нет.

— А почему?

— А потому что ты мне сказал «не причащаться восемнадцать лет». Я подумал, что если уж я все равно погиб и осужден на муки, то какой смысл все это выполнять. И не стал ничего делать.

Понимаете? Потом приходит другой. То же самое. Тогда я подумал: «Что я здесь делаю?» И стал мудрее. Духовник имеет власть вязать и решить. Я помню наизусть правило Василия Великого. На него я положился и изменил тактику исповеди. А правило гласит:

Приявший власть разрешати и связывати, не будет достоин осуждения, когда, видя крайне усердное исповедание согрешившего, соделается милостивее, и сократит епитимию. Поелику повествования Священного Писания показуют нам, яко с большим подвигом исповедающиеся скорее получают Божие милосердие.

Тогда я стал побуждать людей читать Священное Писание, каноны святым, молитвочки, делать поклоны, – рассказал старец Порфирий. – Так они стали постепенно воцерковляться. Их сердца смягчились, они сами захотели поститься, подвизаться и желали познать Христа. Я одно понял, что, когда кто-либо познает Христа, возлюбит Его и будет возлюблен Им, тогда все становится прекрасным, святым, радостным и легким.

«Давай-ка освятим воду!»

На некоторое время я был направлен в одну деревню на Эвбее. Из многих случаев расскажу вам один. Однажды в церковь, где я служил, приезжает верхом на осле одна женщина. Увидев меня, она спешилась, подошла ко мне и говорит:

— Батюшка, у меня сын болеет.

— Что с ним?

— У него пропал голос.

— Давно?

— Да. Он совсем не говорит.

Юноше было лет восемнадцать. Тогда я беру епитрахиль и иду с ней в деревню. Пришли к ней в дом. Я увидел юношу, который и вправду не говорил. Я обращаюсь к ней:

— Давай освятим воду.

Она поставила стул, на него — чашку с водой, постелила полотенце. Я начал читать. Юноша молчит. Закончив освящение, я начал кропить при пении Спаси Господи, люди Твоя... Когда я ударил его по лбу крестом и базиликом, он говорит мне:

— Спасибо большое!

Потом этот юноша меня сильно полюбил. Когда он впоследствии крестил своего ребенка, назвал его Порфирием. Приходит ко мне и говорит:

— Я дал ему твое имя. Говорю ему:

— А меня ты спросил?

— Я, — отвечает, — люблю тебя и захотел дать ему твое имя.

Послушайте рассказ и о другом подобном случае. Это также произошло на Эвбее.

Однажды пришла ко мне женщина со своей дочерью. Дочь была немая. Мать жалуется мне:

— Батюшка, у меня большое горе. Дочь вот уже как месяц не говорит.

Я ее спрашиваю:

— Как это случилось?

— Мы оставили козу привязанной около реки. Там много кустов ежевики. Поздно вечером дочь пошла забирать ее оттуда. Когда вернулась домой, была уже немой.

Я пришел к ней в дом и совершил освящение воды. Мать к тому же была еще и попадьей. Я спрашиваю ее:

— Чья ты матушка?

— Я жена священника из...

— А, отца Христоса?

— Да, батюшка.

Я прочитал молитвы на освящение, и поповна стала здоровой. Конечно, по благодати

Божией.

И вот, я отправился в город Вафья, острова Евбея, в монастырь Святителя Николая

После нескольких лет на Эвбее я стал искать другое место для сосредоточенного уединения, как гонимая птичка, которая желает при помощи умной молитвы достичь объятий Божиих. Я был один-одинешенек.

Поехал я в местечко Вафья на Эвбее, в монастырь Святителя Николая, и пробыл там десять дней. Там были заброшенные келий, в которых жили крысы. И что же приключилось? Два дня была большая буря и шторм на море. Дождь лил без остановки. Он стучал по стенам, стеклам так, как будто это был град. Ветер в бешенстве рвал ветви платана, я слышал, как они шумели.

Светопреставление в полной пустыне! Ревели все стихии, А я — в церквушке Святителя Николая, бедной, расписанной фресками, намоленной за многие годы до меня верующими душами, которых я видел и ощущал, как они склонялись пред святыми и открывали свои сердца.

Там, в пустыне, я был похож на птичку небесную, гонимую холодным северным ветром. Представьте, что бы делала птичка среди такой бури? Разве не искала бы она себе какое-нибудь прибежище, гнездо или пещеру?

Также поступил и я среди шума бури, напуганный стихиями. Прибежал найти прибежище, прибежал укрыться в объятиях моего Небесного Отца. Я ощущал теплую заботу Христову, свое единение с Богом. В Божественной благодати я чувствовал великую радость, веселие и успокоение.

Буря и гроза этого мира были мне безразличны. Душа моя искала чего-то более высокого, более совершенного. Я ощущал себя в безопасности, утешенным и упокоенным. Это были золотые дни. Я использовал во благо страшное ненастье.

Так мыслить мы должны всегда. Так мы должны переносить трудности и несчастья. Все это мы должны почитать благоприятным моментом для молитвы, для приближения к Богу. Это тайна: человек Божий все переведет в молитву. И апостол Павел именно это имеет в виду, когда говорит: «Радуюсь в страданиях моих» (Кол. **1**:24), — во всех скорбях, которые приключились. Так приходит освящение, чего да сподобит нас Бог. Я этого очень прошу в своих молитвах.

В Вафье, в монастыре Святителя Николая, я прожил достаточно долго, целых три года. Уехал оттуда перед самой войной с Италией

Поликлиника города Афины (1940—1973)

Там я прожил тридцать три года. Годы благословенные, годы, отданные больным и страждущим.

Т ам я прожил тридцать три года, которые пролетели как один день

Как только объявили войну, я прибыл в Афины. Я был назначен священником в церкви Святого Герасима при Афинской поликлинике, как раз когда началась война 1940 года. У меня было огромное желание трудиться в каком-нибудь учреждении. Бог исполнил это желание, и я, к великой моей радости, был назначен в часовню Афинской поликлиники. Поскольку я привык всегда рассказывать что-либо из своей жизни так, как я это пережил и прочувствовал, то послушайте эту историю с самого начала.

Однажды, когда я был в скиту Кавсокаливии, то услышал в главном соборе чтение толкования Никифора Феотокиса на воскресное Евангелие. Феотока говорил там о том, какое великое добро может сделать человек, когда утешает страдающие души людей, которые болеют раком, проказой, туберкулезом. Услышав это, я пришел в умиление. Меня посетила ревность, потому что чтец читал очень живо, а я всегда воодушевлялся от чего бы то ни было.

И начал я мечтать, что мог бы выучиться, научиться говорить и пойти в какое-нибудь учреждение! В больницу для прокаженных, санаторий для туберкулезников... Примерно так я думал. И когда я чего-то желал, то хотел это пережить в действительности. Сколько раз мне ни приходила ревность удалиться в пустыню, я, находясь на прежнем месте, жил уже как в пустыне. Все это было тщетой, суетой, но я этим жил.

То есть я ощущал, что будто бы нахожусь там, наверху, на Кармиле, или в Керасье, или в скиту святого Василия — это самое пустынное место на Афоне. Я ощущал, что я будто бы уже пустынник, и говорил: «Вот то-то я буду читать, так буду зажигать свой светильник, так ночью буду творить Иисусову молитву, буду делать столько-то поклонов, буду есть сухари и траву».

И моя мечта как бы уже сбывалась. Суета! Но я удовлетворялся этим, а потом это проходило. И в часы слабости, когда, как правило, человек принимает не очень-то хорошие помыслы, я думал о таких вещах, которых сильно желала и которыми жила моя душа.

Так я мысленно пережил и тогда: поехал на остров, где были прокаженные, говорил с ними, служил там и ухаживал за ними, помогал им, особенно тем, кто был наиболее беспомощным. Я жил с ними лишь в фантазии. Потом я позабыл об этом.

Но случилось так, что я заболел, и старцы три раза посылали меня в мир на лечение. Однако я не вылечился, и тогда, в конце концов, они дали мне свое благословение жить вне Афона, как я вам уже рассказывал, там, где есть молоко, яйца и мясо — все то, что необходимо было при моей болезни. По этой причине я приехал в монастырь Святого Харалампия на Эвбее и прожил там около пятнадцати лет.

Потом меня снова начали переполнять идеи, которые посещали меня на Святой Горе, то есть поехать трудиться в какой-нибудь санаторий. И я надумал уехать в Пендели, в санаторий Пендели, в котором в то время было много больных туберкулезом. Мой знакомый сказал, что там нужен иерей. Я приехал к заведующему санаторием, а он мне сказал:

— Геронда, нам прислали уже священника, прислали. Я рассказал ему о своем желании, и он мне ответил:

— Да, и у меня было такое желание, и Бог привел меня сюда!

Потом я приехал в Афины. Там я нашел святогорца, служившего в Спатах, в Ставросе. Говорю ему:

— Отец Матфей, у меня есть такое желание. Что мне делать?

— А вот послушай, что я тебе скажу. Меня хотели поставить в Афинскую поликлинику, но я отказался. Я предпочел быть здесь, в Ставросе. Хочешь, я поговорю с господином Амилком Аливизатом, чтобы он взял тебя туда?

Я отвечаю:

— Пойдем посмотрим.

Пошел, посмотрел. Ого! Столько народу, такой шум...

— Отец Матфей, — говорю ему, — я здесь не смогу.

— Почему не сможешь? — спрашивает он.

Тогда мы пошли к господину Амнлку Аливизату и поговорили с ним. Отец Матфей ушел. Господин профессор Аливизат велел мне прийти на следующий день.

Там я прожил тридцать три года. Годы благословенные Богом. Эти годы отданны больным и страждущим.

Я пришел на следующий день в дом господина профессора. Служанка провела меня в гостиную, где я стал ждать его, потому что он вышел на улицу. Я достал Новый Завет, он у меня был маленького формата, и стал читать, чтобы зря не тратить время. Когда появился господин профессор, я закрыл его. Он подошел, я поздоровался, и он спрашивает:

— Что это была за книга, Геронда? Я отвечаю:

— Это Новый Завет, господин профессор.

— Ты богослов?

— Нет, — говорю.

— Какое у тебя образование?

— Первый класс начальной школы, да и там я толком не учился. Грамоте научился в пустыне Святой Горы, в Кавсокаливии. Было у меня два старца, вместе с которыми я жил.

— Петь умеешь?

— Умею.

— У меня, — говорит, — есть церковь, но нет священника. Скольких я священников ни брал, все уходят.

Я признался ему:

— Господин профессор, я не знаю, воля ваша. У меня есть желание послужить в каком-нибудь учреждении. Это желание у меня с тех пор, как я жил в пустыне. Но тогда, когда у меня было такое желание, вовсе не было цели уехать со Святой Горы. Говорю это искренно! Я не думал об отъезде со Святой Горы, чтобы трудиться в каком-нибудь лепрозории. Мне только понравилась сама идея, о которой я услышал. Я хотел это пережить на опыте, но жил ею лишь в фантазиях. А Бог сподобил меня, и теперь я могу на деле воплотить свои мечты.

Тогда профессор спрашивает меня:

— К какому владыке ты относишься? Я отвечаю:

— К владыке города Кими.

Профессор пошел в кабинет и позвонил митрополиту Кими. И владыка, как я позже узнал от протосингела Спиридона, который работал в митрополии и находился там в тот момент, когда звонил профессор, сказал Аливизату обо мне:

— Вот поликлиника и нашла своего священника!

— И Амилк мне говорит:

— Нам нужно послужить литургию. Я отвечаю:

— Господин профессор, я не могу служить литургию, потому что боюсь. Я не могу

служить без разрешения архиепископии…

Он говорит мне:

— Это моя забота! Твое дело — служить.

— У нас должно быть разрешение от архиепископии.

— Нет, ты будешь служить без разрешения.

Он огорчил меня, но, в конце концов, я решил послушаться. Меня поставили служить, и я каждый день совершал Божественную литургию в поликлинике, в церкви Святого Герасима.

— Мы берем тебя, Отче, — сказал он, наконец.

Так и произошло. Но что случилось! В церковь Святого Герасима хотел попасть служить один богослов, архимандрит, который отучился в Лондоне, но господин Амилк позаботился о том, чтобы поставили меня. Велетэас — у него была такая фамилия — рассердился. Еще раньше у него был разговор с протосингелом отцом Гервасием Параскевопулосом, и туда был назначен Велетзас. Но потом они узнали, что я там служил, и тогда отец Гервасий вызвал меня в архиепископию. Едва увидев меня, он начал кричать.

— Я в ссылку тебя отправлю! Что это ты вытворяешь? Ты что, читать не умеешь? Ты что, не знаешь, что должен получить благословение предстоящей власти?

Он меня сильно отругал. Я пошел к Амилку и говорю ему:

— Протосингел меня сильно отругал. Он отвечает:

— Иди сюда.

Амилк берет меня и ведет наверх, к архиепископу. Тогда архиепископом был Трапезундский Хрисанф. Было это в 1940 году, когда началась албанская война. Блаженнейший меня спрашивает:

— Какое у тебя образование?

— Ваша светлость, у меня нет образования, — отвечаю. — Читать я научился в пустыне.

— До которого класса ты учился в школе?

— До первого класса начальной школы. Он посмотрел на профессора.

— Да... Господин профессор, там рядом Омония, что же нам делать? Как бы люди не поняли нас неправильно.

— Я хочу, чтобы был именно он, — настаивает Амилк.

— Каким образом? Архиерей спрашивает меня:

— Геронда мой, ты умеешь петь?

— Умею, на практике.

— Послушай, детка мое, — говорит мне, — мы хотим поставить туда образованного клирика, который бы проповедовал, потому что там — центр растления и там должен быть тот, кто будет беседовать, учить людей. Но господин профессор желает, чтобы был ты. Я бы мог сказать, что ты необразован, но твой облик, твои слова лучше доходят до сердца людей, чем проповедь какого-нибудь богослова, который использует ораторские приемы. Сохрани хотя бы этот добрый уровень.

Я отвечаю:

— Ваша светлость, вашими молитвами!

На этом мы и расстались. Я положил ему поклон и ушел. Профессор остался с Блаженнейшим.

На другой день у нас была литургия. Я снова нажил себе неприятностей, потому что совершил панихиду без письменного разрешения. Долгая история... Узнав об этом, отец Гервасий рассердился, Но я пережил это спокойно. Меня все это не беспокоило. Непреодолимой оказалась другая трудность, о которой я вам расскажу позже.

Я очень полюбил святого Герасима, полюбил и больных. Действительно, я не оставлял

никого, посещал всех. После Божественной литургии я обходил все палаты. Когда утром у меня не было Божественной литургии, я исповедовал тех, кто ожидал меня. Потом ходил по больным.

Там я прожил тридцать три года, которые пролетели как один день. Жизнь была благодатная. В поликлинике я настолько был неизвестен и незаметен, что когда в обед, несмотря на сильную усталость, я оставался там и не уходил домой, так как до вечера было еще много работы, то никто не придавал этому никакого значения.

Я прятался в одной комнатке, сдвигал стулья в ряд и падал ничком, чтобы не замерзнуть, и спал недолго. Никто меня не замечал. Я ни с кем не заводил знакомства, поэтому мною пренебрегали. Я был необразованным, неприметным и нищим. В церкви заправляли другие люди. Я не знал ничего.

И, несмотря на это, я прожил там тридцать три года. Годы благословенные, годы, отданные больным и страждущим. Стали поговаривать о том, что я хороший духовник, и на исповедь стало приходить много народу. Много приходило раненых душ, чтобы там, у святого Герасима, пролить слезы. С какою верой они исповедовались!

Как я уже вам говорил, я исповедую больше пятидесяти лет. Я разрешал исповедующемуся часами высказывать все, что он хотел, а в конце и сам кое-что говорил. Когда тот рассказывал много, и не только о себе, я смотрел, что это была за душа. Из всего его поведения я заключал о его состоянии и в конце кое-что советовал, чтобы помочь ему. И то, что он говорил не о себе, тоже было связано с ним, с его личностью, с его душой.

Все меня любили за то, что не я поучал их, а они свободно говорили мне все, что хотели высказать. И если приходил человек, который не имел никакого отношения к религии, и говорил мне о своем каком-либо серьезном проступке, я не заострял на этом внимания. Когда заставляешь человека сильнее прочувствовать свой грех, он начинает противодействовать, чтобы иметь возможность потом не расставаться с этим грехом.
В конце исповеди я говорил кое-что, что имело связь с его серьезным проступком, сказать о котором он принудил себя. Вот так я и поступал: с одной стороны. не проявлял равнодушия, с другой — не акцентировал на этом внимания. Все зависело от ситуации. Иногда приходилось не уделять этому внимания. А в конце я говорил:

— Детка мое, все, о чем ты рассказал, Господь простил. Впредь будь внимателен и молись, чтобы Господь укрепил тебя, а после стольких-то дней иди причащаться.

И не акцентировал особого внимания на чем-либо конкретном. Это было весьма ценно. Потому что не только сам человек ответствен за свою ошибку.

Перед таким величием я, чувтствуя себя недостойным, упал на колени...

Из своей жизни в монастыре Святого **Харалампия** я помню много случаев, – вспоминал старец Порфирий. – Расскажу вам один чудесный случай.

Я уже говорил, что мне очень нравится лес. Я привык к уединению, хотел быть один. Я хотел быть вне монастыря, особенно ночью. По этой причине я залез на дуб, высоко, выше двух с половиной метров. Там я из тростника устроил лежанку. Нарезал камыш и переплел его с ветвями дуба. Туда я принес одеяло, в которое заворачивался. Это было здорово. Я поднимался по лестнице, которую сделал сам, и, когда уже был наверху, убирал ее, чтобы меня никто не беспокоил.

Лежанку мою оплел дикий виноград, цветы которого сильно благоухали. У подножия дуба было много камыша. Он рос от самых корней дерева, площадью метра два на три. Я забирался наверх на лежанку и предавался молитве. Я был святогорцем. Хотел лишь уединения и Псалтири. И еще Господи Иисусе Христе... Там на дубе я молился часами среди цветов дикого винограда на своей камышовой кровати.

Однажды вечером, забравшись на эту постель, всю в цветах, я стал молиться. Была ночь, вокруг — пустыня. Луна освещала мир. Мне помогали соловьи, которые только проснулись и начали петь. Я прочитал много псалмов, но более всего молился Господи Иисусе Христе, помилуй мя. Потом встал и мысленно прочитал повечерие.

Когда я начал читать молитву Божией Матери, то увидел Ее образ: на высоком, прекрасном и Божественном престоле — Пресвятая Богородица, вокруг нее чины ангелов, архангелов, херувимов, серафимов, мучеников, святых, преподобных, пророков.

Перед таким величием я как недостойный упал на колени и начал молиться громко вслух: Нескверная, неблазная, нетленная. Пречистая Чистая Деве, Богоневесто Владычице... Меня охватил страх и трепет, когда луч света, исходящий от Богородицы, коснулся моей головы, которую я смиренно и низко преклонил по причине своего великого недостоинства.

Когда я окончил молитву Божией Матери и умолк, слышу, как из-под дерева выходит человек. Это был мужчина. Он говорит мне:

— Человек Божий, спускайся вниз, я хочу тебе что-то сказать. Я спустился и поздоровался с ним. Он мне говорит:

— Я очень голоден…

— Я сейчас тебе принесу, — отвечаю ему.

— Послушай-ка, — говорит он мне, — я приехал из Америки и убил свою жену. Меня стали преследовать, и я убежал в горы, чтобы меня не поймали. Но я умираю от голода.

Я принес ему три просфоры. Он рассказал мне, что жена его завела себе друга. Он, услышав об этом, приехал и совершил такое зло. Он уже в нем раскаялся, но сделанного не исправить.

— Прошу тебя, человек Божий, никому ничего обо мне не рассказывай, — сказал он мне и скрылся во тьме.

Когда рассвело, пришла полиция и искала его. Меня спросили, видел ли я кого-нибудь. Описали его.

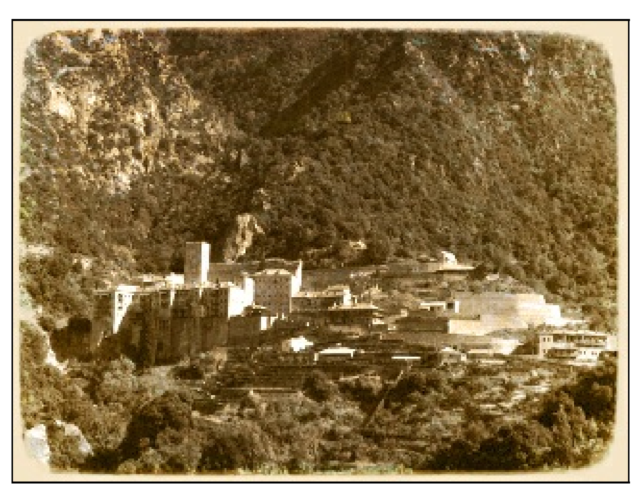
— Нет, — говорю, — я никого не видел.

То, что этот человек мне исповедал, было по благодати Божией Матери.

Я правду вам говорю: предо мною была Пресвятая Богородица, Она послала луч света мне, смиренному!

Ведь был монашенком, уже священником, где-то двадцати одного года, – закончил старец Порфирий.

В шуме центральной площади Афин Омонии я жил как в пустыне Святой Горы

Среди многолюдного круговращения и шума Омонии я возвышал свои руки к Богу и проводил такую внутреннюю жизнь, словно в пустыне Святой Горы. «Вот, — говорил я внутри себя, — я не для мира, а для пустыни. Там никто не знает, чем ты занимаешься». И так жил в миру. Жил там, куда меня привел Бог.

Всех я любил, всем сострадал, все меня умиляло. Это мне дала Божественная благодать. Я видел медсестер в белых одеждах, смотрел на них, как на ангелов в белых ризах, спустившихся в церковь, и плакал, оттого что видел их. Я очень любил этих медсестер. И при виде сестры в белом я думал, что это сестра милости, сестра любви, которая идет, чтобы послужить в храме любви Божией, то есть в больнице, чтобы служить больным, служить братьям. Ангел, белый ангел.

Сколько вещей у нас остаются незамеченными! Когда я видел, как мать кормит грудью своего ребенка, снова приходил в умиление. Когда видел беременную женщину, плакал. Видел учительниц, приводящих детей в школу, и плакал, так как это было дело любви.

Самую большую радость я испытывал, конечно, во время Божественной литургии. Когда я читал, внизу все стояли затаив дыхание. Я был на подъеме. Я весь был в литургии, потому что мне нравилось совершать литургию. Да и люди воодушевлялись той простой литургией, которую я совершал.

Поскольку я был необразован, то очень старался. В церковь Святого Герасима приходили и пели ученые люди. Многие из них были профессорами университета, такие, как братья Аливизаты, религиовед Леонид Филиппидис и другие. Там, напротив поликлиники, была Афинская музыкальная школа. Оттуда на службы тоже приходили преподаватели со своими семьями. Хор в церкви был из Императорского театра. Но мне было трудно петь на глас и тому подобное. Поэтому я решил походить в музыкальную школу.

Часы, которые мне оставались на отдых, я тратил на то, что ходил и с упорством учился музыке, ревностно учился часами. Я делал это, чтобы облегчить жизнь псалтам. Я не хотел огорчать церковный хор. И хор, как я уже вам говорил, был официальным. Я хотел хорошо держать тон, чтобы не утомлять их и не огорчать. Я вынужден был ходить в музыкальную школу, чтобы научиться музыке. Но послушайте об одном моем безумном поступке.

Я желал научиться играть и на фисгармонии. У меня были планы на будущее. Если бы я построил монастырь, то когда бы мы находились там и говорили бы разные поучения или говорили бы на какие-нибудь прекрасные темы, то брали бы фисгармонию и использовали бы ее для песнопений.

Но в музыкальной школе не было фисгармонии, и меня посадили за пианино. Тогда я научился играть на пианино, но больше любил фисгармонию. Как только Бог все устроил! И что же вам сказать! В музыкальной школе меня полюбили и дали мне учительницу, которая была святейшим человеком. Однажды, когда я служил литургию, я взял замечательную большую просфору, которую мне принесли. И что могло быть самым лучшим подарком тогда, когда мы были под оккупацией и голодали? Я принес ее ей и с улыбкой говорю:

— Мне принесли прекрасную просфору.

— Нет, нет, — отвечает она, — не могу, не могу, я не буду ее есть!

— Я прошу тебя, — настаиваю я.

— Нет, — говорит, — так нельзя.

И я смутился. Она дала мне урок игры на пианино, а в конце я признался ей, что огорчился. Тогда она, бедняжка, взяла просфору.

Но и я не желал ее огорчать своими занятиями. О чем я думал? Вечером после своей смиренной молитвы, прежде чем лечь спать, я ставил свои руки так, как будто сижу за пианино, и повторял урок: до, си, ля, соль, соль, соль, ми. Делал это мысленно. И так я готовил уроки. Зачем я это делал? Чтобы не огорчать свою учительницу.

Этому я научился на Святой Горе. То есть я не могу огорчать другого, потому что с юного возраста научился послушанию. Так я совершал и ошибки в своей жизни. То есть когда я вижу, что кто-нибудь огорчается, понуждает меня и просит, чтобы я сделал или сказал что-либо, я жалею его и делаю, даже если не хочу.

Я видел смерть, которая косила людей ежедневно. Я делился с больными просфорами и всем, что мне приносили. Их душевная боль подталкивала меня к состраданию. Даром прозорливости я видел глубины их душ. Я молился о тех, кто приходил ко мне и рассказывал о своей телесной болезни. Это побуждало меня к изучению. Видя больной член тела, я хотел узнать его научное название и ту роль, которую играют все органы тела: печень, поджелудочная железа и другие члены. Поэтому я купил книги по медицине, анатомии, физиологии и тому подобном, чтобы изучить это и быть информированным. Для лучшего образования некоторое время я посещал аудиторные занятия на медицинском факультете. Такая любознательность у меня была ко всему. Я все хотел узнать во всей глубине и широте. Если я шел на какой-нибудь завод, я хотел узнать во всех подробностях о том, как он работает. Если посещал музей, то часами интересовался скульптурой. Я вам расскажу один случай.

В первое время моего назначения туда мне было суждено испытать искушение, которое мне тогда показалось очень большим…

Но я вам еще не рассказал о том, что в первое вермя моего назначения туда мне было суждено испытать великое искушение…

Но Бог помог мне.

В первое воскресенье я с большой радостью пошел служить литургию. Мое желание — трудиться в учреждении — исполнялось. Этот дар послал мне Бог. Но что же случилось! Когда я пошел к началу службы в церковь Святого Герасима, услышал звук граммофона с любовными песнями: «Я люблю тебя, я люблю тебя...» — и так далее. Продолжаю службу... Все то же самое. Я начинаю читать молитвы, служить Божественную литургию. А снаружи — песни.

В церкви полно народу. Я выхожу Царскими вратами и говорю: «Мир всем», — но литургия вся кувырком. Когда я в унынии закончил, потребил Святые Тайны, взял свое облачение, сложил его и тотчас вышел из храма. Напротив церкви был магазин, в котором продавались граммофоны и пластинки к ним. Я вежливо подошел к хозяину магазина господину Курете, так его звали, и попросил его, если это возможно, хотя бы во время Божественной литургии выключать граммофон.

Он мне отвечает:

— Я тоже хочу зарабатывать свой хлеб. То, о чем ты просишь, невозможно. У меня дети, я должен платить аренду.

— Я прошу тебя, — говорю ему, — я переживаю, потому что происходящее — грех.

— Отец, ты занимайся своим делом! — отрезал он.

И что мне было делать? Я думал о том, чтобы уйти из церкви и найти другую. Но я был связан обязательствами, и меня назначили на это место в то время, когда я не отвечал элементарным требованиям. То есть у меня не было аттестата об окончании начальной школы, даже табеля хотя бы за какой-нибудь класс. Что я скажу Блаженнейшему, который снизошел ко мне и поставил меня туда по любви? Что я скажу господину Аливизату, который сделал все, чтобы меня туда назначили? Я сильно расстроился.

Сидел в алтаре и думал, что делать. Я говорил, что нужно уезжать, что больше оставаться я не могу. Как я буду здесь жить, как буду служить? А особенно, как жить человеку, который приехал из пустыни, из совершенного безмолвия, как ему жить в этом сатанинском шуме?

По улице проносились автобусы из Никеи, из Перистери, из Пирея. Их маршрут проходил прямо за дверью церкви. Я постоянно слышал гудки проезжающих мимо автомобилей. И я решил уйти, но не знал, как об этом сказать. Печальный, я вернулся домой и не знал, как быть.

Я тогда жил у Ликавитоса на улице Доксапатри. Я вернулся домой и думал, думал... Мне даже есть не хотелось. Я переживал. Что делать? Я был рад, что меня направили служить в больницу, где я мог видеть больных, ухаживать за ними, разговаривать с ними, исповедовать их и причащать... Что же делать теперь? Лишь Бог мог вызволить меня из такого затруднительного положения. И в таком великом затруднении, в котором я находился, я решил про себя: «Что скажет Бог».

Я попросил:

— «Боже мой, я не хочу, чтобы Ты со мной говорил, не хочу, чтобы Ты показал мне знамение. Любовью Твоей покажи мне что-то простое, по чему я смогу понять, должен ли я уехать или остаться. Очень простое. Я не прошу чуда. Мне стыдно».

Я решил поститься три дня, не вкушая даже воды, и эти три дня провести в совершенном молчании и молитве, ожидая ответа Божия.

И ответ пришел. Когда я был в церкви Святого Герасима, приходили разные люди, чтобы поставить свечки. В какой-то момент входит женщина с ребенком. Ребенок был, вероятно, учеником первого класса гимназии. В руках у него были школьные учебники. Один из них был по физике. Я попросил у него учебник, чтобы посмотреть просто из любознательности. Это было моим обыкновением.

Я листал книжку и открыл одну страницу, где был показан следующий физический опыт:

....в спокойную воду озера бросают маленький камень. Вода теряет свое спокойствие и покрывается рябью на небольшой площади. Если потом бросить камень побольше, то рябь будет больше и на большей площади. Новые волны заглушат прежние...

В тот момент мне и пришел ответ на мою дилемму. Это было просвещение от Бога.

Я подумал следующее: маленькая «рябь» песен за стенами церкви может быть поглощена большими «волнами» от усердных молитв, которые произносятся в церкви. В тот же миг в уме у меня явственно прозвучало: «Если ты служишь в церкви литургию и ум твой — в Боге, то кто может помешать тебе?»

Я так и приготовился поступить. При служении литургии я предавался любви Христовой, с великой ревностью и большим духовным напряжением совершал драму Божественной литургии, страшную драму Голгофы. Радость моя была безмерна. Я поверил в то, что Бог разрешил мою проблему. Действительно, в воскресенье утром я пришел в церковь, исполненный надежды. Дал возглас: «Благословен Бог наш...»

Ум мой был сосредоточен на одной службе, и только. Я ощущал себя на небе, а внизу и рядом со мною — молящиеся, словесные овцы Божии. В Божественной благодати я ощущал всех нас. Снаружи бешено орал граммофон. Я не слышал ничего. Впервые я пережил такую Божественную литургию. Это была самая прекрасная литургия во всей моей жизни. И с тех пор все Божественные литургии были такими.

Тогда я все хотел постигнуть во всей полноте и до самой глубины

Я много пережил в те годы, когда находился в Афинской поликлинике. Греция, особенно Афины, переносила испытания войны, оккупацию, голод и смерть, которая косила людей ежедневно. Я делился с больными просфорами и всем, что мне приносили. Их душевная боль подталкивала меня к состраданию.

Даром прозорливости я видел глубины их душ. Я молился о тех, кто приходил ко мне и рассказывал о своей телесной болезни. Это побуждало меня к изучению. Видя больной член тела, я хотел узнать его научное название и ту роль, которую играют все органы тела: печень, поджелудочная железа и другие члены.

Поэтому я купил книги по медицине, анатомии, физиологии и тому подобном, чтобы изучить это и быть информированным. Для лучшего образования некоторое время я посещал аудиторные занятия на медицинском факультете. Такая любознательность у меня была ко всему. Я все хотел узнать во всей глубине и широте. Если я шел на какой-нибудь завод, я хотел узнать во всех подробностях о том, как он работает. Если посещал музей, то часами интересовался скульптурой. Я вам расскажу один случай.

Однажды в воскресенье в обеденное время я проходил мимо Археологического музея. У меня было немного времени, и я подумал, не зайти ли мне туда. Я ходил по залам, рассматривая статуи. В одном из залов была группа с экскурсоводом. Стояла полнейшая тишина. Я подошел поближе. Но когда экскурсовод меня завидела, она шепнула группе:

— Подошел поп. Я попов не перевариваю. Но этот, мне кажется, не такой, как все.

Я подошел еще ближе и сказал:

— Добрый день.

— Добрый день, — ответила экскурсовод.

— Можно мне послушать то, о чем вы рассказываете?

— Конечно.

Мы ходили от одной скульптуры к другой. И вот мы встали перед статуей Зевса. Он восседал на своем престоле и метал в людей молнии. Экскурсовод, закончив свой рассказ, повернулась ко мне и спросила:

— А вы, батюшка, что скажете? Как вам эта статуя?

— Я не разбираюсь в статуях, — ответил я. — Я лишь смотрю и удивляюсь искусству скульптора и творению Божию, которое совершенно, и понимаю, что скульптор, создавший это произведение, имел обостренное чувство Божественного. Посмотрите на Зевса: хоть он мечет в людей молнии, лицо его спокойно. Он не разгневан. Он — бесстрастен.

Экскурсоводу и всей группе мое объяснение очень понравилось. О чем это нам говорит? О чем? О том, что Бог не одержим страстью даже тогда, когда нас наказывает.

Как-то я пошел учиться птицеводству.

Я во всем был любознателен, как уже вам сказал. Как-то я пошел учиться птицеводству. Правду вам говорю! Потом я ходил к профессору, который преподавал пчеловодство. К тому же родом он был с острова Керкира. В классе были совершенно разные люди: юноши, девушки, молодежь и старики. Закончив урок, преподаватель подошел ко мне и говорит:

— Геронда, знаешь, что я понял? То, что ты достигнешь больших успехов в пчеловодстве.

Я спрашиваю:

— Почему ты так решил?

— По тому, как ты смотришь и с каким вниманием слушаешь, я сделал вывод, что ты годишься на пчеловода. Ты преуспеешь. Ты будешь находить с пчелами общий язык, разговаривать с ними, и они тоже будут с тобой говорить.

Я ему отвечаю:

— Да, это так. Я буду разговаривать с пчелами, пойду на пасеку, буду слушать их, понимать их и резвиться с ними. Тогда я «потеряю» и рясу, и камилавку!

Я жаждал продолжить свой аскетический подвиг в любом месте, пусть даже в то время, когда я находился в центре Афин!

Но главным моим делом, с тех пор как я стал духовником, была исповедь. Я исповедовал бесконечными часами, днями и ночами, целыми сутками. Исповедовал либо в монастыре Святого Харалампия на Эвбее, либо в храме Святого Герасима, либо в монастыре Святого Николая, либо в Калисье, либо здесь, в монастыре. Даже когда болел, а болезней было много и были они продолжительные, хронические, я с любовью Христовой принимал те души, которые послал мне Бог.

Я жаждал продолжить свой аскетический подвиг в любом месте, пусть даже в то время, когда я находился в центре Афин! Так, я не нашел ничего лучше, как спрятаться на холмах Турковунья. Там мы жили с родителями, с моей сестрой и племянницей в одном домишке из бетонных плит. Ночами мы работали в молчании и молитве. У нас были станки, на которых мы изготавливали на продажу футболки и свитера. На эти сбережения мы хотели построить монастырь.

Еще мы делали ладан. Превосходный ладан, моего собственного изготовления, по моим рецептам, по моим пропорциям с пятьюдесятью ароматическими добавками. По запаху я различал и ладан, и остроту добавок. Своими пропорциями я исписал целую тетрадь. Целая тетрадь рецептов, которые я использовал, когда приготавливал для ладана ароматические вещества.

Все ароматические вещества, которые у меня были, я выстроил по порядку. Около пятидесяти флаконов с различными веществами. Вот это была тайна! Все эти флаконы я знал. Я знал запах каждого флакона, его силу и остроту. Я знал, что из этого флакона нужно взять десять частей, из другого — две, или три, или одну часть, и приготовлял прекрасные составы, редкие. Все это я записывал в тетрадь, как уже говорил, но ее у меня украли. Я знаю, кто украл, но не хочу говорить, не нужно...

Поистине, я был простецом…

Я не знал ни мира, ни того, как нужно себя вести в обществе, был простым. О манерах общения я не имел никакого представления, потому что вырос в горах. Я пожил немного у своего крестного в Пирее, но и там сам себя обслуживал. Дочки его ставили мне пищу на стол, я кушал в одиночестве, спал на мансарде.

Я не знал, как за столом держать вилку, ложку. Послушайте, я вам кое-что расскажу.

Куда меня ни приглашали, я никуда не ходил. Но однажды меня пригласили послужить молебен у одной больной женщины, которая работала напротив поликлиники, недалеко от муниципалитета. Очень хорошая женщина, благочестивейшая. Но пока мы шли до ее дома, пока молились, прошло около часа, и мне настойчиво стали предлагать:

— Садитесь за стол.

— Нет, — отвечаю, — я не могу. Мне нужно идти. Ее муж говорит:

— Мы понимаем это как знак пренебрежения к нам, потому что ты голоден. Батюшка, мы обидимся. Уважь нас. Вот и наша дочурка просит.

У них была дочь. Они недавно поженились. Очень хорошая девочка.

Тогда я принял предложение. Я прочитал молитву благословил стол, и мы сели есть. Маленькая дочурка увидела, как я ем, и говорит родителям:

— Мам, он неправильно держит ложку. А они:

— Молчи, молчи!

Через несколько минут опять:

— Он неправильно держит ложку.

Ну что ты скажешь, что я, несчастный, испытал! Я посмотрел на них, как держат они, и исправился. Потом, не знаю, что мне положили, я стал есть вилкой.

Малышка аж подскочила:

— Он неправильно держит вилку.

О, что я вынес! Я хочу вам просто привести пример, насколько я был тогда прост…

Трость преподобного Герасима

В районе Турковунья, где мы жили, местность изобиловала крутыми подъемами, – вспоминал старец Порфирий. – Я вставал очень рано, уходил в церковь Святого Герасима, а возвращался вечером. Дорога около нашего дома была очень трудной, очень обрывистой. Как-то утром я упал и сломал ногу. Было воскресное утро. Еще толком не рассвело, и вокруг стояла тишина.

Мое оханье услышали какие-то люди, пошли и тотчас позвонили в «Скорую помощь». Приехала «Скорая помощь» и отвезла меня в больницу. Я сломал голень левой ноги. Все кости раскрошились. Боль была несносной. Когда мы приехали в поликлинику, меня из машины перенесли на кровать. Врачи решили наложить мне на ногу гипс. А народ ждал, когда я начну литургию. Им пришлось разойтись.

Через пятнадцать дней, которые я провел в кровати, во время молитвы мой взгляд случайно упал на ногу. По благодати Божией вижу, что гипс был наложен криво. Тогда я стал просить врачей снять гипс Но профессор, узнав об этом, сказал в шутку:

— Батюшка вместо того, чтобы смотреть за своим храмом, где он — компетентное лицо, хочет поправить нас. Хотя мы хорошо сделали свою работу и посмотрели ногу на рентгене. Что он, хочет помучить нас?

Никто не предал этому значения. Я настаивал на том, чтобы они посмотрели мою ногу. Они не отзывались. Когда мне принесли обед, я не стал есть, сказав, что прошу отвезти меня на рентген. Я настаивал на этом потому, что если нога срастется неправильно, то останется такой навсегда. Профессор прислал мне ответ:

— Пусть следит за своими священническими обязанностями! Его нога в порядке.

Наступил вечер. Мне принесли ужин. Я снова не стал есть, настаивая на том, чтобы осмотрели мою ногу. На следующий день пришел профессор и стал говорить в сердцах:

— Что это все значит, Геронда? Что это все значит, ты решил нас помучить?

После долгих пререканий меня отвезли на рентген. Смотрят, действительно, гипс на ногу наложили криво, а нога к тому же уже срослась. Профессор стал смеяться.

— Слышь, Геронда, — говорит, — ты слишком грешный. Теперь и я это понял. Сейчас увидишь, что тебе придется пережить! Мы должны сломать твою ногу и наложить гипс заново.

И начали сильно бить по гипсу, чтобы он сломался. Я ничего не говорил, а только творил свою смиренную молитву.

— А, так ты еще и замолчал? — говорит он мне. — Сейчас я отпущу тебе твои грехи.

Наконец, они потянули и сняли гипс. Боль была страшная. Два врача держали мне ногу, а профессор кулаком стал сильно бить по голени, чтобы она сломалась.

— Ну, батя, я отпущу тебе все твои грехи, а за это простятся грехи и мне.

Они ломали мне кость. Она срослась не до конца. Боль была несносная. Я стиснул зубы. Наконец, они сломали. Положили меня снова под рентген, вытянули ногу и поставили все прямо. Потом снова осторожно наложили гипс и отправили на свою кровать.

Два-три месяца, не помню точно, я лежал ничком. Потом меня подняли и дали мне два костыля для ходьбы. А я не хотел их. Профессор говорит мне:

— Возьми их, чтобы встать. Сколько можно в кровати валяться?

Он не стал сильно настаивать на костылях, потому что я стал сам держать равновесие. Я боялся, что привыкну к костылям и потом не смогу без них ходить.

Тогда профессор говорит мне:

— Позаботься о том, чтобы купить себе трость.

— Нет, — отвечаю, — она мне не нужна.

— Ты — священник и не слушаешься? Послушайся, потому что иначе упадешь и поломаешь все свои кости.

Тогда мне пришлось попросить свою сестру:

— Купи мне трость. Мы — бедные, но мне нужно купить трость. Костыли я хочу бросить, они мне не нравятся.

Было одиннадцать часов утра. Я при помощи костылей спустился в больничную церковь.

Сестра моя собралась идти на улицу Эола покупать трость. Только она стала выходить, тут на тебе: одна женщина заходит в церковь, держа в руке трость.

— Святой Герасим здесь? — спрашивает.

— Да, детка, здесь, — отвечает ей церковница.

— А где икона святого?

— Да вот, здесь, — и показывает ей икону. Тогда эта незнакомая женщина падает у иконы и со слезами начинает так громко говорить, что мы все слышали:

— Мой святой, я не знала тебя. И никогда не слышала о тебе. Я и имени твоего не слышала. Но ты сподобил меня своего посещения и попросил у меня ту трость, которую я купила в Иерусалиме, чтобы я принесла ее в твой дом. Вот она, я ее принесла, мой святой. Ты мне сказал: «Я хочу, чтобы ты завтра утром принесла мне трость!» Я не знала, где ты находишься, но расспросила и нашла.

Мы с сестрой и церковницей сидели в стасидиях около свечного ящика. Она подошла к нам и сказала:

— Что это было такое? Почему святой попросил у меня трость? Чего он хотел?

И церковница отвечает:

— Послушай, для чего святому трость. Ему самому она не нужна. Но и у святого тоже есть свой служитель, а служитель этот — вот этот священник, которого ты здесь видишь. Он сломал ногу и уже несколько месяцев тяжело страдает. Но сегодня он встал, и врачи велели ему взять трость. И вот сестра его уже готова была идти на улицу Эола за тростью. Так вот, бери трость у святого и неси ее его служителю.

Женщина в умилении принесла трость и поцеловала мне руку.

— Возьми ее, — говорит, — батюшка мой, и прости мне мои грехи. Я купила ее в Иерусалиме. Она — от Святого Гроба, Я приехала сюда из района Промбона, в конце улицы Патисьи. Там я живу. Там я увидела святого во сне.

Я поблагодарил ее, взял трость и тут же стал ею пользоваться, отбросив костыли. Эту трость я сразу назвал тростью святого Герасима и очень ее полюбил. Я слежу, чтобы не потерять ее. Но она и чудотворна, потому что, когда у кого-нибудь болит где-то тело, я слегка хлопаю тростью по этому месту, и человек выздоравливает. Она и вправду чудотворная.

Что за чудеса! Святой позаботился о мне, грешном, – удивлялся старец Порфирий. – Он как

живой явился женщине, которая ни о святом не слышала, ни обо мне. Чудесные дела совершают святые, поэтому мы должны почитать их. И я почитаю святого Герасима, который исцеляет больных своею святостью и благодатью.

« Господь дождит на праведных и неправедных…»

В церковь Святого Герасима при поликлинике приходило много людей поставить свечи, – вспоминал старец Порфирий. – Некоторые оставались на исповедь, другие просто просили молитвы, третьи ставили свечи, крестились и выходили. Приходили по разным причинам мужчины и женщины, юные и старые, образованные и простецы. Вокруг Омонии жили разного сословия люди.

Раньше у нас был обычай: в праздник Богоявления ходить по домам и кропить их святой водой. В один год я тоже пошел освящать дома. Я стучал в двери квартир, мне открывали, я входил с пением: Во Иордане крещающуся Тебе, Господи... Придя на улицу Мезонос, вижу железную дверь. Открываю, захожу во двор, который был весь усажен мандариновыми, апельсиновыми и лимонными деревьями, и поднимаюсь по лестнице. Это была наружная лестница, которая вела наверх, а внизу был подвал.

Поднимаюсь по лестнице, стучу в дверь, открывает женщина. Когда она открыла мне, я, как обычно, начал петь: Во Иордане крещающуся Тебе, Господи... Вдруг она меня резко останавливает. Между тем меня услышали другие, и справа и слева стали выходить из комнат девушки. «Понятно, попал я в дом терпимости», — подумал я. Женщина встала передо мною, чтобы не дать мне пройти.

— Уходи, — говорит она мне. — Не подобает им целовать крест. Я поцелую крест, и ты уходи, пожалуйста.

Тогда я принял суровый и грозный вид и говорю:

— Я не могу уйти! Я — священник и уйти не могу! Я пришел все освящать,

— Да, но им не подобает целовать крест.

— Да мы и не знаем, кому подобает целовать крест: тебе или им. Потому что если бы Бог спросил меня и попросил Ему сказать, кто достоин целовать крест, девушки или ты, то, возможно, я бы ответил: «Девушки могут целовать крест, а ты — нет. Их души лучше твоей души».

Тогда она немного покраснела. Я ей говорю:

— Позволь девушкам поцеловать крест.

Я подал им знак, чтобы они подходили. Я более мелодично, чем сначала, начал петь: Во Иордане крещаю-щуся Тебе, Господи... — потому что внутри меня была радость, что Бог устроил так, что я пошел и к этим душам.

Все поцеловали крест. Все были ухожены, в разноцветных юбках, Я им говорю:

— Чада мои, многая вам лета. Бог любит нас всех. Он — очень добрый и «посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф. 5:45). Для всех нас Он — Отец, заботится Он обо всех. Мы только лишь должны позаботиться о том, чтобы познать Его, возлюбить Его и стать хорошими.

Возлюбите Его и увидите, какими счастливыми вы станете.

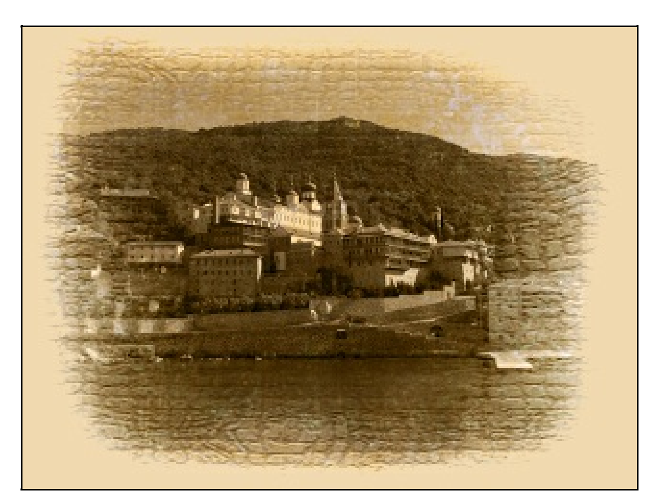
Они растерянно хлопали глазами. Их бедные души дрогнули.

— Я очень рад, — говорю им в конце, — что Бог удостоил меня сегодня прийти сюда и окропить вас святой водой. С праздником!

— С праздником! — ответили и они! Тогда я ушел.

Это старец Порфирий рассказал с болью сердца.

Та молитва, которую я слышал, была величественна!

Время от времени, не только в праздник Богоявления, люди по разным поводам приглашали меня домой совершить освящение воды, – вспоминал старец Порфирий. – Однажды со мной приключилось следующее.

Была оккупация. Я находился в поликлинике. Пришел представитель Красного Креста, чтобы взять меня на освящение воды.

— Вы должны, — говорю ему, — взять священника из церкви Святого Константина, это их приход.

— Нет, пойдешь ты. На это есть причина, и хочешь ты или нет, а тебе придется идти на улицу Третьего Сентября!

И мне, бедняге, не оставалось ничего иного, как только пойти за ним, прихватив с собой крест, наметку и рясу на выход. Когда мы пришли, я растерялся. Я оказался перед образованным народом, дамами, господами, перед ректором университета, преподававшим философию. Полагаю, что фамилия его Веис. Набравшись храбрости, я вошел внутрь и поздоровался. Но требник с собой я, неграмотный, не взял.

— Будем совершать освящение воды, — говорю им. Меня пробрала дрожь, когда я увидел, как хорошо они одеты, что на подносах стоит десерт, и это во время оккупации!

Я надел рясу, наметку, взял крест. Освящение начал без требника. Набрался мужества и все прочитал чисто, слово в слово. Потом стал произносить еще лучше, но смотрел лишь в чашу с водой.

— Мир всем. Главы наша Господеви приклоним.

Приклони, Господи, ухо Твое, и услыши ны, иже во Иордане креститися изволивый и освятивый воды; благослови всех нас, иже приклонением своея выи назнаменующих работное воображение; и сподоби нас исполнитися освящения Твоего причащением воды сея. И да будет нам, Господи, во здравие души и тела. Ты бо еси освящение наше, и Тебе славу, и благодарение, и поклонение возсылаем, со Безначальным Твоим Отцем, и Пресвятым, и Благим, и Животворящим Твоим Духом...

Я произнес это как архиерей. Совершив освящение, я не пошел их кропить — многие не любят этого, — а взял крест в руку и стал ждать, кто подойдет. Первым подошел министр, за ним — другие. Я сказал несколько пожеланий: «Бог да благословит, да просветит и да укрепит вас». Но я все время ощущал себя необразованным. Перед уходом я перекрестил их крестом, благословил и сказал: «Счастливо вам, чада!» А там были университетские профессора!

— Эта молитва была величественна, — сказал господин ректор, — я получил большое удовлетворение. Я очень порадовался чину освящения воды, обрадовался тому, что ты прочитал молитвы правильно и к тому же наизусть. Ты богослов? Но ты сделал одну ошибку в Евангелии.

Ты прочитал «здрав стал», а там — «здрав бываше», то есть – выздоравливал….

— Благодарю, — говорю ему, — я необразован.

Это Евангелие мы читаем в Неделю о расслабленном, когда мы вспоминаем о чуде у этой купальни. Евангелие там читается следующее:

(В то время) «пришел Иисус в Иерусалим. Есть же в Иерусалиме у Овечьих ворот купальня, называемая по-еврейски Вифезда, при которой было пять крытых ходов. В них лежало великое множество больных, слепых, хромых, иссохших, ожидающих движения воды, ибо Ангел Господень по временам сходил в купальню и возмущал воду, и кто первый входил в нее по возмущении воды, тот выздоравливал, какою бы ни был одержим болезнью» (Ин.**5**:1—4).

Я вам напомню и кондак этого праздника. Вот он:

Душу мою, Господи,во гресех всяческих,
и безместными деяньми люте разслаблену,
воздвигни Божественным Твоим предстательством,
якоже и разслабленнаго воздвигл еси древле,
да зову Ти спасаемь: Щедрый, слава Христе державе Твоей...

Хорошо бы этот кондак помнить и произносить как молитву, – закончил старец Порфирий.

Я созерцал Христа совсем как живого!

Часто я приходил в великое умиление в церкви, я имею в виду церковь Святого Герасима, – вспоминал старец Порфирий. – Да, я слушал Евангелие и умилялся. Со мной это происходило по той причине, что я видел икону, Самого Христа.

Был Великий Пяток. Мы совершали богослужение. Церковь была полна народу. Что там со мной случилось! Я читал Евангелие, и когда дошел до фразы: «Или, Или! лама савахфани? то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мф. **27**:46) — то не мог закончить. Я не мог сказать: «Для чего Ты Меня оставил?» Меня наполнило умиление. Голос сорвался.

Передо мною во всей своей полноте предстала трагическая сцена. Я увидел то Лицо, услышал Тот голос. Я вживую увидел Христа. Народ внизу стоял в ожидании. Я никак не мог продолжить. Оставляю Евангелие на аналое и возвращаюсь в алтарь, крещусь и целую святой Престол. Я вспомнил другой, более красивый образ. Нет, не красивее. Прекраснее Того образа нет. Я вспомнил Воскресение и тут же успокоился. Потом вышел Царскими вратами и сказал:

— Простите меня, чада, я увлекся...

Потом я взял Евангелие и прочитал его с начала. И в тот час вся церковь начала плакать.

Это было нехорошо. Каждый может думать, о чем хочет. Но расслабляться нельзя, мы должны быть собранными.... – закончил старец Порфирий.

О том, что делает любовь и Промысел Божий!

Послевоенные годы были очень тяжелыми, и люди много трудились, чтобы выжить, – вспоминал старец Порфирий. – Я, как вам уже говорил, в те годы был в поликлинике. Из тех лет помню множество случаев. Послушайте об одном из них.

Эсфирь было семнадцать лет. Она жила летом со своими родителями и братом в Бояти. У них был ухоженный сад, и они продавали овощи, фрукты. Как-то вечером мать послала Эсфирь неподалеку в один магазин купить керосина для светильника. Заметьте, что тогда не было электрического освещения. По пути домой Эсфирь встретила одного мальчика, своего одноклассника. Они разговорились об уроках. Стояли они за грузовиком.

Мимо проходил брат Эсфирь и увидел, что они стоят, разговаривают. Он перетолковал это по-своему, потому что решил, что они говорят о чем-то плохом, и сказал об этом матери.

— Эсфирь позорит нас, разговаривает на улице с мальчиком.

Когда Эсфирь пришла домой, мать сильно отругала ее и побила. Нравы тогда были весьма строгими. Эсфирь сильно огорчилась. Она возмутилась такой несправедливостью и подозрениями брата.

На другой день домой приехал отец, который был в отлучке. Он обошелся с ней по-другому, то есть с пониманием и по-хорошему.

— Я этому не верю, — говорит он ей. — Пойдем-ка польем сад. Ты будешь сидеть и смотреть: где грядка будет уже полита, скажешь мне, и я стану поливать другую.

Так и было. Но Эсфирь совсем не спала всю предыдущую ночь. Ее душили обида и несправедливость. Она дошла до отчаяния и решила покончить с жизнью. Когда они пошли с отцом в сад, у нее уже был план: взять какой-нибудь сельскохозяйственный яд и вечером после поливки тайком выпить его и умереть.

Она думала: «Тогда я посмотрю, любят ли они меня?» Итак, она взяла яд, положила его себе в карман и стала ждать вечера, чтобы выпить его. Но трудный час не заставил себя ждать. Отец, ничего не подозревая, говорит ей:

— Пойди-ка в конец сада и закрой воду.

Она быстренько пошла. Ее не было видно. Вокруг не было никого. Отец был довольно далеко, и она, дрожа, сунула руку в карман. Вдруг она услышала шаги. Не успела и пошевельнуться, как видит, появляется перед ней какой-то незнакомый священник. Он здоровается с ней и говорит:

— Эсфирь моя, знаешь ли ты, как прекрасен рай! Свет, радость, веселие. Христос — весь свет, Он всем источает радость и веселие. Он ожидает нас в иной жизни, чтобы подарить нам рай. Но есть и ад, который — весь тьма, горечь, тоска, мучение и стенание. Если возьмешь то, что у тебя в кармане, то пойдешь в ад. Так выбрось это сейчас же, чтобы не лишиться нам с

тобой радости рая.

Сначала Эсфирь растерялась, но вскоре опомнилась. Когда уже, сама того не заметив, выбросила яд, говорит священнику:

— Постойте, я позову отца, чтобы и он вас увидел.

Она убежала в сад, чтобы найти отца, и скрылась в высокой кукурузе. Нашла его и говорит:

— Отец, пойдем быстрее, ты увидишь священника, который пришел к краю нашего сада!

Но когда они пришли на то место, где должен был ждать священник, там уже никого не было.

Долгое время Эсфирь не могла понять того, что с ней произошло в тот вечер. Она не могла объяснить исчезновение священника и хотела его найти. Он спас ей жизнь.

Каждую зиму вся их семья приезжала в Афины. Эсфирь часто ходила к своей крестной, которая была женщиной очень набожной, и жила у нее подолгу. У крестной был обычай привечать у себя дома богословов, священников и монахов. Однажды, когда Эсфирь пришла к своей крестной, в гостиной сидел гость. Эсфирь не знала, что это был за гость. В какой-то момент крестная приходит на кухню и говорит Эфи:

— Эфи, приготовь десерт и кофе и принеси это в гостиную для гостя.

Эсфирь приготовила. Но немного задержалась, и, когда уже понесла это в гостиную, крестная ее опередила и говорит ей:

— Не этот поднос. Возьми серебряный, потому что встреча — официальная.

Эсфирь вернулась на кухню, поменяла поднос и принесла его в гостиную. И что же она видит! Поднос выпал у нее из рук. Она видит того самого священника, который в тот трудный для нее вечер появился у них в саду.

— Я — отец Порфирий, — говорю я ей с улыбкой.

Так мы познакомились с Эсфирь и с тех пор стали большими друзьями. Она создала семью, и у нее было много детей. Бог благословил ее. Видите, какие способы использует Бог, чтобы спасти человека?

Храм Святителя Николая в Калисье (1955—1979)

Какое-то большое горе, какие-то великие трудности вынуждали их идти проселочной дорогой к святителю Николаю.

Больше двадцати лет мы наслаждались безмолвием!

В конце концов, Бог исполнил мое желание потрудиться в учреждении, – рассказал старец Порфирий. – В поликлинике я провел тридцать три года. Но было у меня еще одно сокровенное желание — найти где-нибудь участок земли и построить монастырь. Я искал и, наконец, нашел церковь Святителя Николая в Пендели. Это было подворье Пендельского монастыря.

И вот, однажды я по благодати Божией приехал туда. Церковка была видна издалека. Я подошел к ней и зашел внутрь. Она была умилительной, старинной, с немногими иконами. Во дворе — я увидел несколько маленьких закопченных келий. Начало смеркаться. Я был один. В Афины вернуться было уже невозможно. Я лег спать прямо в церкви.

Скоро послышался характерный удар. Он исходил от стены, которая была у меня над головой. Там висела икона святителя Николая. Удар был от иконы. Я почувствовал, что святой желает, чтобы я поселился здесь.

Будучи монахом, я понимал, что те монахи, которые жили в миру одни, погибали. Тогда привез сюда своих родителей, сестру и племянницу. Там у нас было безмолвие. Жили мы очень хорошо, пускай и в первобытных бытовых условиях. В пустыне мы поселились более чем на двадцать лет. Это была настоящая пустыня. Весь район вокруг Святителя Николая утопал в зелени.

Сосны старые и молодые, платаны, кусты везде, чабрец благоухал на всю округу, из трещин в скалах прорывались цикламены, анемоны и другие дикие цветы, каждый из которых распускался в свое время. Это был рай, такая красота!

Там я хотел построить монастырь, – вспоминал старец Порфирий. – Но Бог этого не позволил.

Церковь Святителя Николая находится недалеко от Пендели, но тогда не было дороги. Нужно было идти пешком или трястись на ослике около часа по труднопроходимой дороге, а потом еще минут двадцать карабкаться по крутой козьей тропке, чтобы оказаться у церкви Святителя Николая, которая была построена на одном из скалистых холмов. Потихоньку мы протоптали тропинку, чтобы было удобнее передвигаться и носить все, что было необходимо для жизни, чего нам не давал огород.

Мне очень понравился огород. Я купил ручной мотоблок, чтобы можно было лучше его обрабатывать. В огороде было все: помидоры, баклажаны, кабачки, лук, чеснок и многое другое. Моей великой любовью были деревья. Радостно было на них смотреть. Я посадил четыреста деревьев: грецкий орех, алычу, груши, яблони, персики, миндаль, фундук, мушмулу, гранатовые

деревья. Я очень любил трудиться. Поэтому я всегда говорил, говорю и сейчас: «Трудись как бессмертный и живи как готовый к смерти».
То есть будь тебе хоть девяносто лет, сажай ореховые деревья, инжир или маслины. Неужели не будет у тебя прыгать от радости сердце, когда будешь сажать! Даже если кто-нибудь, проходя мимо и думая, что ты устаешь, скажет: «О, несчастный!»

Чтобы деревья не болели, мы окуривали их серой и обрабатывали медным купоросом. С мешком за плечами я приходил из пендельских питомников. Ухаживал за молодыми деревцами. Приходилось нанимать и рабочих, потому что времени у меня было мало: я еще работал в поликлинике. Моим долгом было рано утром уже находиться в церкви Святого Герасима, поэтому в Афины я уезжал с вечера. Но когда кто-нибудь приходил на беседу и мы засиживались допоздна, я уходил от церкви Святителя Николая среди ночи.

Воды для сада у Святителя Николая было предостаточно. Внизу был овраг с источником. В овраге росло много платанов. Там я поставил насос, чтобы он поднимал воду на холм, где я соорудил резервуар, в который собирал воду. Вода к тому же была еще и питьевой. Летом, когда хотелось холодненькой водички, а холодильника у нас не было, я поехал на Эгину и купил там кувшинчик с длинным горлышком, чтобы кувшин сохранял воду холодной.

Еще я разводил на продажу цыплят. Арендовал кусок земли у Пендельского монастыря, напротив обсерватории, и держал там около тысячи кур. Больше было нельзя, потому что земли было мало. У меня была мысль построить монастырь, как я вам говорил, поэтому искал способы заработать деньги.

В Калисье мы были отрезаны от мира, поэтому хотели там, в пустыне, слушать какую-нибудь афинскую радиостанцию, которая транслировала службу или Божественную литургию, а также по временам новости, чтобы знать, что творится в мире, и молиться.

Тогда я решил сделать радиоприемник своего собственного изобретения. Антенну я поместил на сосне, высота которой была пятнадцать метров, а провод прикрепил к стене церкви и обмотал вокруг дикой груши. У этого первобытного радио не было кнопки, чтобы выключить его. Работало оно круглые сутки без перерыва. Но я приглушил звук, чтобы он нам не мешал.

Когда я не был обязан ехать в церковь Святого Герасима, тогда служил у Святителя Николая. Постепенно в церковь начали приходить люди, приходили и на исповедь. Все мы стали одной большой семьей, семьей из Калисьи.

Все прославили Бога об этом чуде!

Время от времени по разным причинам приходили и другие люди, – вспоминал старец Порфирий. – Какое-то большое горе, какие-то трудности вынуждали их идти проселочной дорогой к Святителю Николаю.

Наконец, однажды приходит женщина со своим мужем и четырьмя детками. Люди молодые, женаты недавно, и вначале они не хотели ребенка. Потом решились: «Сделаем». И при первых родах — двойня. Потом вторые роды, и снова двойня. Стало у них четверо детей. Итак, они пришли туда, и молодая женщина, ей было тридцать лет, говорит мне:

— Батюшка, я сильно страдаю, я нездорова…

Когда она говорила, я внимательно смотрел на нее,

потом положил руку вниз шеи.

— Здесь, — говорю ей, — чувствуешь уплотнение?

— Да, — говорит она.

— И тебя одолевает печаль, которая уже доводит свое дело до конца. То есть вначале ты ощущаешь какую-то зажатость, а потом к тебе приходит скорбь и ты не можешь даже пальцем пошевелить. Ты еле двигаешься, можешь даже смеяться, но внутри себя ты переживаешь это состояние?

— Да, — подтвердила она.

Итак, я все ей описал прекрасно! Она благодарила. Потом я снова положил ей руку на шею.

— Не думай, — говорю, — что у тебя что-то есть. Ничего этого у тебя нет.

Рука моя лежала там, и вдруг я ей говорю:

— Вот, все у тебя прошло!

Потому что я увидел. Я увидел, что в шее ничего у нее не было.

Она мне говорит:

— Все прошло! Какая радость!

Я сказал ей:

— Встань на колени…

Одну руку я положил на шею, а вторую – на затылок. Я стал творить Иисусову молитву. Она воскликнула:

— Ах!

— Ну, наконец! – Говорю. – Иди, ладно, а то другие ждут….

Они с мужем искренне прославили Господа…

Вот такую историю рассказл старец Порфирий.

Чудесный улов

Сай-Баба (мы сократили эту главу)

Однажды в Ксилокастро ко мне пришли родители человека по имени Костас, – вспоминал старец Порфирий. – Он был последователем Сай-Бабы.

Этот Баба создал новую религию. Люди верят, что он — новый Христос, который пришел в мир, чтобы спасти его и привести к истине. Говорят, что он — «новый бог». Сейчас Сай-Баба жив, он женат, у него жена и двое детей. Внизу фотографии видно много молодых людей, которые следуют за ним. Многие из них образованные.

Как они, образованные люди, попали туда? На другой странице они целуют ему ноги. «Тот Христос — то есть истинный — теперь устарел» — так он говорит им. Он говорит, что теперь иное время. Все изменяется. Это похоже на миф. Может, Сай-Баба сумасшедший. Говорят, что он собрал много денег.

Я вам расскажу и о другом похожем случае

Однажды один капитан третьего ранга повез меня в Оропос, на побережье, – рассказал старец Порфирий. – Мы вышли на волнорез. Там рыбачил один мужчина. Я говорю капитану:

— Пойди-ка принеси мне одну рыбу из тех, что поймал этот человек.

Но рыбак отвечает:

— Корзина пуста. С утра рыбачу, ничего не поймал. Уходите, оставьте меня в покое...

Я ему говорю:

— Закинь удочку в море.

— Уходите! — говорит он огорченно.

Мы собирались уже уходить. Как только рыбак закинул удочку в море, сразу почувствовал, что кто-то клюнул. Он вытянул большую рыбу, трепыхавшуюся на крючке, и стал звать нас:

— Не уходите! Идите сюда, не уходите. Я поймал рыбу!

Капитан сказал:

— Я знаю, батюшка, как это произошло. Это произошло, чтобы я поверил, что вы — Божий, и чтобы в это поверил рыбак. До сих пор я верил в нового Христа — в индийского Сай-Бабу, а теперь верю в истинного.

Мы видели Божественный свет долгое время!

Больше всего времени у меня занимала исповедь, когда я служил у Святителя Николая в Калисе, – рассказал старец Порфирий. – Но, конечно, и для молитвы было много времени, особенно вечером. Я вам об этом кое-что расскажу.

Однажды, было это вечером, мы договорились вдвоем с сестрой пойти помолиться в церковь Святителя Николая. Договорились сначала поужинать и, когда все улягутся, пойти в церковь тайком. Прикрыли дверь и начали молитву. Господи Иисусе Христе... В скором времени нас залил свет, Божественный свет. Мы продолжали: Господи Иисусе Христе... — и чувствовали радость, такую неизреченную радость.

Мы видели Божественный свет долгое время! — Несколько часов…А потом, когда он постепенно ушел, мы продолжили молитву: Господи Иисусе Христе, помилуй мя. Потом вернулись в келию. Мать не спала и ждала нас. Лишь только мы открыли дверь, она говорит:

— Где вы были? Поэтому вы уложили меня спать? Думаете, я вас не видела? Я видела вас из окна. Я видела все. Видела свет, который спустился с неба и вошел в церковь. Я смотрела на него и плакала. Вот, мои глаза, мокрые от слез.

Старушка была расстроена, но, благочестивейшая, она увидела свет, хотя дверь была и заперта. Свет этот наполнил церковь.

В другой раз, – вспоминал старец Порфирий. – мы жили тогда в Пендели, был великий праздник, Пасха или Рождество, не помню, старушка поднялась и говорит:

— Пойду-ка я в храм Святителя Николая. Кажется мне, что лампады там погасли.

Полчаса ей ходьбы туда и столько же на обратную дорогу. Пришла и видит церковь, всю залитую светом, и лампады зажженные.

Святая обитель Преображения в Милеси (1979—1991)

Я хотел, чтобы монастырь был таким прибежищем, куда бы приходили больные и страждущие, где они находили бы утешение, укрепление и исцеление.

Я вынашивал план построить небольшой монастырь

Построить небольшой монастырь — поистине это было моей давней мечтой, – смиренно сказал отец Порфирий.

Причем такой монастырь, чтобы он стал духовной школой, где бы освящались и возделывались души, где бы непрестанно прославлялось имя Божие. Я хотел, чтобы это был такой центр, куда бы приходили больные и страждущие, где они находили бы утешение, укрепление и исцеление.

Когда мы с сестрой и племянницей жили в районе Турковуньи, годами работали за станками. Да, шили футболки. Деньги мы собирали для этой цели. Мы очень экономили на пище, одежде, на всем. Первую недвижимость мы купили на эти деньги. Потом деньги стали приносить и приносят до сих пор прихожане, оценившие этот труд. Стали они принимать и личное участие.

Годами я искал подходящее место. Я никогда не пользовался при приобретении недвижимости услугами посредников. Ездил в разные места. Я хотел, чтобы, с одной стороны, это место было защищено от ветра, а с другой — чтобы там был хороший вид. По своему обычаю, молился Богу, чтобы Он наставил меня. Я хотел, чтобы в этом меня удостоверила сама благодать Божия. Все время творил молитву Господи Иисусе Христе...

И вот, Бог указал мне для постройки обители знакомое место в Милеси, на холме. Один пастух сказал мне, что место это называется Агиа-Сотира. Мне оно понравилось. Я спросил, не продается ли оно.

— Да, — говорит он мне, — оно принадлежит Балоку из Милеси, который переписал это на своих дочерей Елену и Спиридулу. Ты должен пойти к ним.

Тогда я пошел на участок и помолился. У меня было желание узнать, есть ли там вода. Смотрю, есть вода, да еще и неплохая. Это меня сильно обрадовало. Но воду я увидел глубоко под землей и подумал: «Как достать до этой воды?»

Видел воду и в других местах, такую же воду. Ниже, в полутора километрах от вершины холма, вода была не так глубоко. Тогда я решил и там купить участок, пробурить скважину и поднимать воду на тот участок, где будет монастырь. Так при помощи Божественного просвещения я обеспечил монастырь водой.

Потом внимательно осмотрел, можно ли там проложить дорогу, провести свет, телефон. Посмотрел, расположено ли оно на юг, защищено ли от холодного северного ветра, сыро ли там. Я хотел проследить за ходом солнца, чтобы зимой не было таких келий, куда бы солнце не

светило.

Месяцами я ходил туда и смотрел, как восходит солнце, где оно в полдень, где на закате, чтобы построить монастырь так, дабы был виден и восход, и закат, чтобы последний луч солнца освещал монастырь. Все эти условия оказались благоприятными, – заметил отец Порфирий. – Я тут же стал оформлять покупку. Мы купили место и стали строить….

Я приложился и отпил воды – духовно…

Прежде всего, мы начали закладывать фундамент и строить без воды, – рассказал старец Порфирий. – Начинать без воды было нелегко. Для этих целей мы сделали большой резервуар, куда помещалось шестьсот сорок кубических метров дождевой воды. Несмотря на это, воды из резервуара нам не хватало, и около пяти-шести лет мы покупали воду в Кифисье. Каждый год тратили много денег на воду. Для поливки деревьев, которые посадили, воду мы покупали. Тогда мы встали перед необходимостью добраться до той воды, которую я видел на участке.

Но нужно было много денег, потому что вода была глубоко под землей, и должен был найтись подходящий человек. Меня волновал этот вопрос. Необходимо было найти выход. Выход нашел Бог. Послушайте, что произошло.

Как-то раз пришел ко мне за советом один мужчина. Христос открыл мне некоторые его семейные дела. Он удивился, пришел в умиление и говорит мне:

— То, о чем ты говоришь, никто, кроме нас с женой, не знает. Это большая тайна. — И в воодушевлении говорит: — Что тебе принести, Геронда?

— Ничего.

— Есть у вас в монастыре вода? — спрашивает.

— Нет, нет воды.

— Тогда я проведу вам воду. У меня есть буровая вышка.

— Сколько это будет стоить? — спрашиваю я.

— Нисколько, — отвечает он. — Я возьму на себя все издержки бурения, привезу насос и все остальное.

— Ну, ладно, хорошо, — говорю я ему, — ты это обещаешь Христу.

И он ушел.

Через несколько дней он привозит установку. Пробурил на глубину тридцати восьми метров, дошел до твердой скальной породы и остановился. Я попросил его, и он привез другую установку, получше, и пробурил до восьмидесяти метров. Воды нет. Снова скальные породы, и бур дальше не шел. В отчаянии он мне говорит:

— Геронда, я не могу найти воду! Уезжаю.

— Ты не должен уезжать, — отвечаю я.

-— Я должен уехать, — повторяет он.

Тогда я, поскольку был уже слеп, попросил сестру, и она провела меня вниз, за тем местом, где бурили, метрах в двадцати пяти, среди сплошных сосен, чтобы меня не видели. Там я помолился, пошел и нашел мысленно поток воды. Мысленно я измерил, как глубоко течет вода. Как-то раз, когда я был моложе, я также нашел воду людям, которые ее искали. И не только нашел, но и мысленно попробовал ее, хороша ли на вкус: соленая она, или сладкая, или

солоноватая. Я взял метр и мерил вниз, мысленно, конечно.

Стал мерить: «Один, два, три...» Вода была очень глубоко, поэтому я взял палку и представил, что она равняется десяти метрам, и стал измерять ею, снова мысленно: «Десять, двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят, сто...» Я почувствовал великую радость. Я нашел воду, хотя она и была очень глубоко!

Я почувствовал неизреченную радость. Тут же я решил ее попробовать, хороша ли она. Наклонился и мысленно отпил воды. Вода была очень хороша! Радостный и воодушевленный, я возвращаюсь в келию. Потом зову Николу Митаса, так звали того, чья была буровая вышка, и говорю ему:

— Ты пробуришь очень глубоко.

Он отвечает:

— Там будет скала, отец Порфирий , там не будет воды. У меня нет столько труб, я уезжаю!

— Ты не уедешь, — говорю ему, — поезжай, ищи трубы. Я не разрешаю тебе уезжать!

На следующий день он привез трубы и стал бурить глубоко там, где я ему показал. И нашел источник, где полно было воды, хорошей воды, способствующей пищеварению. Он и сам обрадовался. Обрадовались и мы все. Это было благословение Господне, святая вода.

Мы отслужили молебен Преображению Господню, чтобы отблагодарить Господа за великое чудо. Это было чудо Преображения Господня.

Церковь – духовный Университет

Когда я думал о постройке женского монастыря, мне приходило много мыслей, – вспоминал старец Порфирий. – Очень много... Самая главная мысль была собрать несколько сестер-монахинь, чтобы все они были рядом со мною, чтобы они любили меня во Христе и чтобы я любил их во Христе.

Я хотел, чтобы все были подлинными монахинями, чтобы был у нас дух монашеской жизни, без ревности, без всего того, что, как правило, есть у женщин. Чтобы между ними была любовь и был порядок. Еще я хотел, чтобы мы занимались рукоделием, каким-нибудь искусством, которое бы занимало два-три часа в день, с утра.

Но центр тяжести я хотел переместить на обучение богослужением, как говорят, Университет Церкви. То есть на песнопения, каноны, полунощницы, междочасия. Псалтирь, Октоих, Минею, Феотокарион, Постную и Цветную Триодь. Я хотел, чтобы мы читали все, если возможно, все, о чем написано в Типиконе. А Псалтирь читали бы перед обедом, для облегчения, чтобы не читать ее ночью и не утомлять сестер.

Занятие песнопениями, чтением я считаю великим делом, очень великим, потому что так человек постепенно освящается, сам того не замечая.

Приобретает и любовь, и смирение — всё, слыша слова святых, слова из Минеи, Октоиха и тому подобных книг. Этим мы должны заниматься постоянно и с усердием, посвящая себя этому. Это должно быть нашей ежедневной усладой в церкви.

И снова каждый день, за час до обедни мы будем сидеть и читать отцов, – воодушевился старец Порфирий. – Понимаешь, как здорово?!

Я уверен, что если бы мы, монахи, хранили любовь, то Бог бы творил множество чудес…

Монастырь мне казался подобным Раю: службы и исповедь не прекращались бы круглые сутки, – мечтал старец Порфирий. – Духовники бы сменяли друг друга: новые заступали бы на дежурство и постоянно оказывали бы помощь больным…

Это было бы в любое время дня и ночи. Чтобы был телефон, у которого бы день и ночь дежурили сестры, чтобы утешать стольких отчаявшихся в жизни по причине различных ран. Своими словами они приводили бы их к великому Утешителю — Христу, чтобы спасались их души и наполнялись небесным светом, который им будет подавать Божественная благодать.

И я бы хотел исповедовать приходящих людей. Когда придет какой-нибудь больной, особенно после искушений, я бы его поисповедал. А потом приходят сестры и благоговейно поют для него молебен. То есть когда он стоял бы на коленях, сам бы я, сидя на стуле в епитрахили, читал над ним молитвы, а сестры благоговейно, едиными устами пели бы для него молебен. Верю, что за нашу любовь Бог бы творил много чудес.

Много недужных по благодати Божией становились бы здоровыми. Приходит, например, один печальный отец и говорит: «У моего ребенка начинает кружиться голова, и он падает». Ты оставляешь ребенка в монастыре на некоторое время, все сестры преклоняют колена, как один дух, одна душа, одно сердце со старцем, и молитва всех изменяет состояние, совершает чудеса, поэтому я так этого ищу и пламенно желаю. Вот что я хочу сделать в монастыре.

И вот что еще я хотел бы в монастыре. Я хотел бы выстроить большую и красивую церковь. Чтобы много людей могло прийти на исповедь, на причастие, прийти для молитвы, чтобы поучиться умной молитве. А еще у меня есть мечта, чтобы под храмом в подвал приходили афонские духовники, которые мощно, сильно занимаются мистическим богословием в пустыне, и учили умной молитве. Пусть они приезжают хотя бы на один день. Конечно, много таких, которые не хотят ни открываться, ни где-либо появляться. Мы можем и таких привозить на один день, а на другой они бы уезжали.

Какое облегчение находили бы те души, которые страдают от страстей и других житейских невзгод!

Монастырь должен со страхом Божиим принимать души и вдохновлять их не поучениями и проповедями, а молитвой, страхом Божиим и своим собственным примером. Это очень тонкая вещь. Например, приходит человек в монастырь. Мы его принимаем. Но вести длинные разговоры нет необходимости. Гостеприимство будет выражаться в церкви. Мы поведем гостя на молитву, на вечерню, на повечерие. Будем читать очень внятно, без ошибок, петь скромно, везде будет царствовать порядок и тишина.

Скажем и несколько назидательных слов, – прервал размышления старец Порфирий. – Предложим что-нибудь перекусить, горячий чай и тому подобное. Но везде будет царствовать молчание, а говорить будет пример. Больше всего гостя научит наш образ жизни. Не нужно изменять своего распорядка. Он больше получит пользы от него, чем от наших слов. Если у нас будет добрый порядок, а сами мы будем преданы Христу, то освятится весь монастырь. Это произойдет непринужденно, без какого-либо давления и усилий со стороны монахинь. Думаю, что это самая лучшая миссионерская работа.

Очень скоро в монастырь начнут слетаться птицы. Они услышат звоночек и будут прилетать покушать. Будут сидеть во дворе и слушать вечерню. Это наши лесные друзья, которые будут прилетать, чтобы принять участие в нашей молитве.

Христос Воскресе!

Сегодня ко мне в келию пришли несколько моих духовных чад, – как-то сказал отец Порфирий. – и мы три раза спели: **Христос воскресе…**

Я пожелал им:

«Желаю, чтобы Воскресение Господа нашего Иисуса Христа воскресило в ваших душах всякое благородное и прекрасное чувство. Чтобы оно привело нас к святости и победило ветхого человека «со страстьми и похотьми» (Гал. **5**:24).

Вот чего требует Господь. Поэтому мы желаем, чтобы Воскресение Его и благоволение Его помогло нам разгромить и умертвить ветхого нашего человека (Рим. **6**:6) и стать достойными Его Церкви. Вот какой помощи Господней мы желаем. Величайшее чудо, сотворенное Христом, — это Его Воскресение. Никогда не будем забывать о нем. Многая лета!»

Кто-то сказал, что сегодня все молится: земля, небо, звезды, благоухающие цветы, журчащие ручьи, прозрачные воды, поющие соловьи, порхающие бабочки — все поют Христос воскресе! Я настолько воодушевился, что громко кричал от радости: **Христос воскресе!**

Такое пережил и я на Святой Горе. Была **Пасха**. Я в одиночестве поднялся на гору в сторону Афона на высоту около восьмисот метров. С собой у меня был Ветхий Завет. Я смотрел на голубое и чистое небо, на безбрежное море, конца которого не видно, на деревья, на птиц, на бабочек, на всю эту красоту, и в воодушевлении громко закричал: Христос воскресе!

Произнося это, я, сам того не замечая, от жажды Божественного раскрыл руки. Так они и застыли. Я был как сумасшедший! Открыл Ветхий Завет и попал на следующие слова из Премудрости Соломона:

«Боже отцов и Господи милости, сотворивший все словом Твоим и премудростию Твоею устроивший человека, чтобы он владычествовал над созданными Тобою тварями и управлял миром свято и справедливо, и в правоте души производил суд! Даруй мне приседящую престолу Твоему премудрость и не отринь меня от отроков Твоих, ибо я раб Твой и сын рабы Твоей, человек немощный и кратковременный и слабый в разумении суда и законов» (Прем.**9**:1—5).

Вся моя душа погрузилась в эти Божественные слова. Я забыл о времени, меня потеряли...

Послушайте дальше премудрого Соломона:

«С Тобою премудрость, которая знает дела Твои и присуща была, когда Ты творил мир, и ведает, что угодно пред очами Твоими и что право по заповедям Твоим: ниспошли ее от святых небес и от престола славы Твоей ниспошли ее, чтобы она споспешествовала мне в трудах моих и чтобы я знал, что благоугодно пред Тобою; ибо она все знает и разумеет, и мудро будет руководить меня в делах моих, и сохранит меня в своей славе» (Прем.**9**:9—11).

— Понимаете, какое значение имели для меня эти слова? – воскликнул старец Порфирий. – Что угодно пред очами Твоими и что благоугодно пред Тобою...

Вот чего ищите, вот чем наслаждайтесь, вот чего жаждите. Сами того не заметив, вы полюбите Христа!

Кавсокаливия 1991

Прошу всех вас простить меня за все, чем я вас огорчил.

Кавсокаливия, *417 июня 1991 года*

Возлюбленные мои духовные чада, сейчас, пока я еще нахожусь в здравом уме, я хочу дать вам важные советы.

С малых лет я весь был в грехах, – смиренно сказал отец Порфирий. – И когда мать посылала меня пасти овец в горах, потому что отец мой, так как мы были бедняки, уехал работать в Америку, я там, на пастбище, по слогам читал житие святого Иоанна Каливита.

Я сильно полюбил святого Иоанна и очень много по-детски молился. А было мне лет двенадцать — пятнадцать, не помню точно. Желая ему подражать, я с великим трудом тайно уехал от своих родителей и прибыл на Святую Гору в Кавсокаливию, где стал послушником у двух старцев, родных братьев, — Пантелеймона и Иоанникия.

Мне повезло в том, что они были очень благочестивые и добродетельные. Я очень сильно полюбил их и потому, по их молитвам, был у них в полном послушании. Это принесло мне великую пользу. Я почувствовал и великую любовь к Богу и жил очень хорошо. Но по попущению Божию за грехи свои сильно заболел, и старцы сказали, чтобы я уехал к родителям в свою деревню Святого Иоанна на Эвбее.

И хотя малым ребенком я наделал много грехов, вернувшись в мир, я снова стал грешить, и грехи мои доныне весьма многочисленны. Но люди приняли меня как хорошего, и все кричали, что я — святой. Я же чувствую, что я самый большой грешник на свете. Те грехи, которые я вспомнил, я, конечно, поисповедал и знаю, что Бог простил их мне. Но сейчас я чувствую, что у меня очень много духовных грехов, и прошу всех, кто знает меня, помолитесь обо мне, потому что и я, когда жил, очень смиренно молился о вас.

Но теперь, когда пойду на небо, у меня такое чувство, что Бог скажет мне: «Что тебе здесь надо?» А я могу ему сказать только одно: «Господи, я недостоин быть здесь, но чего любовь Твоя пожелает, то пускай и сделает мне». Потом не знаю, что будет. Но желаю, чтобы подействовала любовь Божия.

И всегда желаю, чтобы мои духовные чада возлюбили Бога, Который есть все, чтобы Он сподобил нас войти в Свою земную и нетварную Церковь. Потому что начинать нужно отсюда.

Я всегда старался молиться и читать богослужебные тексты, Священное Писание и жития святых. Желаю, чтобы и вы поступали так же, – закончил отец Порфирий. – Прошу всех вас простить меня за все, чем я вас огорчил...

Иеромонах Порфирий. Кавсокаливия, *417 июня 1991 года»*